

Александр Варго
Приют
Серия «MYST. Черная книга 18+»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170183
Приют: Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-25725-6

Аннотация

Роман не для слаонервных!

Знаменитая семейка Адамсов ничто в сравнении с семейкой, живущей в тайге в Оранжевом домике. Парализованная бабуля не прочь отведать свежей крови, девятилетний внучок Олег запросто ест новорожденных крысят, а дочка Дина с удовольствием пытается в подвале попавших в ее руки людей.

Братьям Ярику и Митричу, а также их подруге Руте, нашедшим здесь приют, пришлось пройти через все муки ада, прежде чем они поняли: кто попал в Оранжевый домик, живым из него не возвращается...

Содержание

ЧАСТЬ 1	4
1	4
2	10
3	13
4	18
5	23
6	29
7	34
8	37
9	39
10	42
11	44
12	51
13	59
14	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Александр Варго

Приют

Старость – это пустынный остров, окруженный смертью...

Все имена и географические названия вымышлены.

ЧАСТЬ 1

...Подошли Гензель и Гретель ближе к избушке и увидели, что сделана она из хлеба, крыша – из пряников, а окна – из прозрачного леденца...

Братья Гримм. «Пряничный Домик»

Прыг да скок, туда – сюда, крыша едет – не беда, жизнь лишь сон, а мир – фуфло, это, братец, запахло, только ты не унывай, лучше вмажемся давай!

Стивен Кинг. «Стрелок»

1

– Я хочу жрать. Если увидишь какую-нибудь забегаловку, скажи.

– А у тебя что, глаз нет?

– Ярик, не зли меня. У меня сегодня хреновое настроение, и не в твоих интересах лезть мне под руку.

– Я просто...

– Просто, Ярик, трахаются гномики. И мыши. А теперь помолчи.

Ярик, то бишь Ярослав, скорчил недовольную физиономию и откинулся на сиденье. Он хотел спросить Митрича, кто с кем все-таки трахается: гномики с мышами или и те и другие, но между собой, однако решил промолчать.

Молодой человек выудил из кармана замусоленной джинсовой жилетки с обтрепавшимися краями жевательную резинку. Развернув одну пластинку, он ловко закинул ее в рот и принялся сосредоточенно жевать, рассеянно поглядывая по сторонам. Пейзаж был довольно однообразным – серая асфальтовая дорога да бескрайние поля. Какая, к чертям, забегаловка в этой пустыне? Солнце стояло в зените, и, даже несмотря на бешеную скорость, с которой несли их «Опель» (все окна были открыты до максимума), в салоне машины стояла духота.

– По-моему, после Дмитровки должен быть... Ярик?

Ярик надул пузырь из жвачки. Некоторое время влажный шар оставался недвижимым, а затем с сочным «чпок!» лопнул, облепив всю нижнюю часть лица юноши.

– Ярик! ЯРИК! Мать твою, я к тебе обращаюсь!!!

– Ты сказал, чтобы я помолчал, – снисходительно проговорил молодой человек, старательно вытирая лицо.

Митрич зло крутанул руль в сторону, обойдя справа раздавленного зайца.

– Это правило действует до тех пор, пока я сам не заговорю с тобой. – Тон Митрича стал спокойней. – Посмотри в бардачке, нет ли там карты.

С обреченным видом, словно ему предстояло вычерпать кружкой Мировой океан, Ярик принялся копошиться в бардачке. Старая записная книжка, пустая сигаретная пачка, носовой платок и гелевая ручка.

– Ни фига там нет, – объявил он, вновь откидываясь на сиденье.

Митрич выругался и нажал на педаль акселератора. Мотор натужно захрипел, возмущенно протестуя против новой нагрузки.

– Бензина хватит? – без особой надежды на отрицательный ответ спросил Ярик брата. Митрич молчал, нахмутив брови, и Ярик решил оставить его в покое.

Да, бензина должно хватить. Иначе и не может быть, по крайней мере, Ярик на это очень надеялся. Надежда – это единственное, что осталось у него и его брата близнеца Митрича (настоящее имя его было Дмитрий, но Ярик не помнил, чтобы кто-нибудь называл его так).

На самом деле этими именами их наградила не мать, а тетка. Их истинные имена (если они вообще были) исчезли вместе с их матерью.

Ярик почти не помнил ее. Непрекращающаяся пьяная ругань, смех, запах дешевого портвейна и холодные сухие руки – вот, собственно, и все воспоминания о ней. Митрич же, наоборот, достаточно хорошо ее помнил, во всяком случае, он так утверждал.

Он ненавидел мать. Ненавидел за то, что знал: их кормежкой в годовалом возрасте занималась двоюродная сестра матери – тетка Варя, ненавидел, потому что однажды, когда маленькому Митричу исполнилось три, мать выкрутила ему руку так (он просто долго хныкал, потому что хотел есть), что детские хрупкие кости не выдержали и треснули, как сухая щепка, ненавидел, потому что загаженный мухами стакан с мутным пойлом заботил ее больше, чем он и Ярослав.

Потом их мать исчезла. Просто исчезла, испарилась, как сизое кольцо сигаретного дыма, оставив голодных и замызганных близняшек в нищей коммуналке. Поговаривали, что ее пырнули ножом во время какой-то пьянки, но Митрич не особенно верил в это.

«Я готов целовать ботинки тому, кто соизволил снизить до расплаты с ней и прекратил ее грязное существование. Но много чести. Бьюсь об заклад, что наша мамаша до сих пор заживо гниет в какой-нибудь подворотне в обнимку с бутылкой», – говорил он Ярику.

Что касается отца, то о нем не знали ни мать, ни тетка Варя. После исчезновения своей сестры она, недолго думая, забрала ребятишек к себе в Кемерово, в уютный домик с нехитрым хозяйством.

Это она дала им имена. Это тетка Варя, с грубоватым голосом и мозолистыми, теплыми руками, лезла из кожи вон, чтобы пристроить ребят в школу и хоть как-то приодеть. Своих детей у нее не было, и всю ласку, любовь и доброту она самозабвенно отдавала им. И все вроде бы стало постепенно налаживаться, но...

Митрич часто говорил, что жизнь – как зебра.

«Все идет по принципу черных и белых полос, Ярик. Таков закон этой гребаной жизни. Сначала тебе кайфово, и тебе кажется, что так будет всегда. Когда ты к этому привыкаешь и перестаешь благодарить Бога, ты думаешь, что это само собой разумеющееся. В таком случае для сравнения жизнь подсовывает тебе какую-нибудь подлянку. Тогда ты рвешь на голове волосы и вопишь: Боже, ну почему именно я?! Хе, да потому. И когда ты свыкнешься с внезапно обрушившейся на тебя проблемой, тебе будет казаться, что так было всегда. Хоп! Потом опять кайфово. И так по спирали», – разглагольствовал Митрич, аккуратно деля лезвием бритвы порошок на равные доли.

«Так вот, братишка. – Он покровительственно хлопал Ярика по плечу. – Наша с тобой жизнь похожа на зебру, которую окунули в деготь, и отмыться ей от этого дерьма нет никакой возможности. Но ты не унывай. – С этими словами он осторожно вдыхал порошок, стараясь, чтобы ни одной крупинки не просыпалось. – Следуй следующему правилу – когда

тебя трахают и ты ничего не можешь сделать, постарайся извлечь из этого максимум удовольствия. – Митрич чихнул. – Само собой, эта аксиома подлежит расширительному толкованию», – добавил он назидательным тоном.

(Ярика всегда восхищало умение Митрича витиевато изъясняться, несмотря на то, что своими познаниями в школе учителей он особенно не радовал.)

Митрич вмазывается уже почти как два года. По большому счету, это и явилось причиной их поспешного бегства. Но об этом – после.

...Двери электрички закрылись, зажав ногу девушки. Испуганно вскрикнув, она попыталась выдернуть ногу, но поезд внезапно тронулся. В толпе раздались охи да ахи, но никто не решился приблизиться к бедняжке, которую волочил набирающий с каждой секундой скорость поезд. Их тетка была в толпе... Ей удалось вырвать девушку из дверей. Удалось ценой своей жизни – ее правая нога попала в пролет между перроном и движущимся поездом. Заплаканная девчонка с ободранными в кровь коленками откатилась в сторону, а тетку Варю затянуло в пролет полностью, как в пылесос, и размазало по стенкам платформы, словно подтаявшее мороженое, которое малыш размазывает ложкой по стенкам бумажного стаканчика.

Машиниста выкинули с работы. Муж тетки некоторое время держался, после чего крепко запил, и однажды после очередных возлияний устроил дома пожар, в котором и сгорел вместе с домом...

– Нам понадобятся еще деньги. Тех, что мы взяли на бензоколонке, хватит лишь на жрачку, – вновь подал голос Митрич.

– Думаю, тебе необязательно было доставать пистолет, – осторожно заметил Ярик. – Этот парень наверняка запомнил нас.

– Ничего, пусть теперь портреты наши рисует. Или ты хотел, чтобы мы подошли к нему, наклонившись в третьей позиции, и проямлили что-то типа: «Многоуважаемый господин! Мы должны кучу бабок не менее уважаемому Хохе, к тому же хотим поесть, попить и так далее. Не соизволите ли вы открыть кассу и отдать нам все ваши деньги? Премного благодарны, спасибо за внимание». Нет, так не пойдет.

– Зато теперь за нами будут охотиться не только Хоха с его гориллами, а еще и менты, – нервно произнес Ярик.

– Мне нужно вмазаться, – словно не слыша его, вдруг сказал Митрич.

Ярик с неудовольствием посмотрел на брата. Он никак не мог взять в толк, зачем так насиловать свое тело ради того, чтобы получить порцию каких-то паршивых наркотиков. Сам он пробовал их несколько раз, но только лишь из солидарности с братом. Откровенно говоря, ничего особенного. Намного больший кайф Ярик ловил от пива, девочек и музыки. Когда-то он даже играл на ритм-гитаре в группе «Кранты», хотя назвать музыкой то ужасное и зубодробящее, что он и пара обкуренных патлатых юнцов извлекали из гитар, назвать можно было с большой натяжкой. Но наркотики – это одно. Ярика больше бесило то, что из-за Митрича он сам погряз по уши в дерьме, и у него были большие сомнения насчет того, что Хоха будет с ними церемониться, когда до них доберется.

– Хочешь, я сяду за руль? – спросил он.

– Мне нужно вмазаться, – повторил Митрич. – У меня осталось совсем мало.

– Так ты хочешь есть или ширнуться? – ехидно поинтересовался Ярик.

– Заткнись.

Ярик со вздохом отвернулся.

По правде сказать, сейчас они меньше всего были похожи на братьев. У обоих раньше были длинные, до пояса волосы, которые Митрич недавно состриг из-за очередных глюков. К тому же, утверждал Митрич, эти патлы чертовски мешают драться. Ярик с серьезным видом поинтересовался, уж не с зелеными ли чертиками приходится драться бедному Мит-

ричу, которых он частенько видит после очередной дозы, за что чуть не получил от брата в челюсть.

Когда-то широкоплечий, с накачанными бицепсами (раньше он с остервенением занимался со штангой), в последнее время Митрич заметно похудел и как-то усох. Он побрился наголо, в обоих ухах поблескивали серебряные кольца, отпущенная коротенькая борода несколько сглаживала худобу его лица. На нем вытертая до белизны кожаная жилетка, потертые брюки цвета хаки и военные ботинки, обитые металлическими пластинами. Ярик помнил, как иногда его брат возвращался после очередных разборок и его ботинки были темно-красного цвета. После этого он никогда не напоминал Митричу про зеленых чертиков. Что-то, а драться его брат умел.

Ярик, в отличие от брата, оставил волосы и продолжал заниматься штангой. Он ненавидел всякого рода растительность на лице и часто посмеивался над Митричем, называя его бородаку «п... под носом», при этом ежедневно скоблил себе лицо опасной бритвой, такой же, как у Митрича. На голом крепком теле джинсовая жилетка, плечи покрывали цветные татуировки. Военным брюкам и ботинкам Митрича он предпочитал узкие джинсы и разбитые ковбойские сапоги со стоптанными каблуками.

– Где Крейсер? – прерывистым голосом спросил Митрич. «Опель» поднялся на пригорок, и впереди мелькнуло небольшое строение.

Ярик посмотрел на заднее сиденье:

– В банке. У него, в отличие от нас, нет проблем, Митрич.

Крейсер – паук Митрича. Он с детства питал необъяснимую любовь к паукам и перечитал массу литературы об этих существах. Мохнатый, темно-коричневого цвета тарантул, он мог часами сидеть в одной позе, настороженно следя за тем, что происходит снаружи (Митрич нашел для него прозрачный пластиковый контейнер с отверстиями для доступа кислорода). Правда, Ярик никак не мог въехать в смысл имени. Несмотря на скудное образование, он знал, что крейсер – это такой военный корабль, даже в Питере такой стоит, «Аврора» называется. При чем тут паук? Впрочем, вразумительных объяснений на этот счет он от Митрича не получил. Ну, Крейсер и Крейсер. Если бы было настроение, назвал бы Танком, или БТРом...

Вскоре они проехали знак, указывающий, что они въехали в город...

– По-моему, впереди кафе, – сказал Митрич, напряженно вглядываясь вперед. Они подъехали к небольшому двухэтажному домику. Вывеска над заведением гласила:

АНШЛАГ

Чуть ниже:

Круто закусить у Витька!

Еще ниже более мелкими буквами:

Внимание!

Ближайшая закусочная – через 70 километров.

Лучшая еда в здешних местах!

Митрич стал вылезать из машины.

– Давай, Ярик, вылезай, – нервно проговорил он, хлопая дверью. – Посмотрим, как готовит этот чувак Витек.

Ярик внимательно разглядывал закусочную. Она представляла собой небольшой ветхий двухэтажный домик с давно облезлой краской. Над дверью висел высушенный солнцем и ветрами коровий череп с обломанным рогом. На обочине были припаркованы бензовоз и две длинные запыленные фуры, у самых дверей стояла темно-синяя «пятерка». Слева, чуть позади строения, находилась крошечная заправочная станция, которая была закрыта.

– Ты идешь? – повысил голос Митрич. Ярик уже видел, что он находится на грани срыва, его руки мелко дрожали, лицо покрылось бисеринками пота, несмотря на усиливающееся пекло.

– Не нравится мне это место, – сказал Ярик, медленно открывая дверь. – Может, поедем дальше?

Митрич уставился на Ярика как на круглого идиота:

– Ты читать умеешь? – Он указал трясущимся пальцем на вывеску. – Никого живого, черт тебя дери, на протяжении семидесяти кэмэ! Нам нужно заправиться. Если струсил, так и скажи. – С этими словами Митрич направился к дверям заведения.

Ярик хотел съязвить, что он прекрасно знает, как и чем собирается заправиться Митрич, но тот уже направился к бару. Ярик закрыл окна и вышел из машины.

У растрескавшихся ступенек в пыли лежала тощая собака, шерсть ее была такой грязной, что определить ее истинный цвет было невозможно; рядом робко притулился маленький щенок. Дрожа всем телом, он заискивающе твякнул братьям, виляя коротким хвостом. С востока внезапно подул сильный ветер, мелкие песчинки неприятно царапали кожу, и братья поспешили войти внутрь.

Внутри было немного прохладней и царил полумрак. Людей в закуской было немного, они все с интересом вперили в братьев взгляды. Слева на стойке возвышался обшарпанный музыкальный центр, залепленный жирными пятнами, из которого вперемешку с хрустом и скрежетом доносились звуки какой-то попсы; центр напоминал певца, который старался спеть песню с горячей кашей во рту. С потолка дохлыми змеями свисали грязные липкие ленты, на которых нашли свою смерть неудачливые мухи.

«...И я возьму тебя с собо-о-о-ой!

Мы полетим с тобою к звездам!..»

– надрывно неслось из колонок, причем распознать пол исполнителя из-за гнусавого голоса было непосильной задачей. Ярик поморщился. Ну и дыра!

Неторопливо вытирающий стаканы у стойки сутулый бармен с обширной лысиной окинул вошедших равнодушным взглядом.

Митрич подошел прямо к нему:

– Чего-нибудь пожрать и пива. Две порции.

Бармен понимающе кивнул, не отрываясь от своего занятия.

– И еще. Где у вас туалет?

Лысый поднял на Митрича мутные глаза:

– А бабки-то у тебя есть?

У него были редкие желтые зубы, загнутые внутрь, как у капкана. Митрич побагровел.

– Разве так бармен должен отвечать, когда клиент делает заказ? – прошипел он, наклоняясь к испуганно отпрянувшему бармену.

Лысый затравленно кивнул и вытянул дрожащую руку, указывая на какую-то дверь.

– Туалет там.

Ярик обратил внимание на его сальные руки с черными ногтями и, не скрывая отвращения, поморщился. Когда Митрич торопливо проследовал в указанном направлении, к бармену откуда-то из темноты, прихрамывая, подошла толстуха с круглым чумазым лицом. Лысый что-то ей сказал и стал торопливо откупоривать бутылку пива. Ярик уселся за свободный столик и сцепил перед собой руки.

...Нет, определенно так дальше продолжаться не может. Митрич перестает контролировать себя, и с ним становится все более опасно. Ярик с горечью сделал для себя неуте-

шителный вывод: как бы он ни любил и ни уважал брата, в один прекрасный момент ему придется оставить его. Оставить в целях собственной же безопасности. Ни о каком лечении от наркомании (Господи, какое лечение?! Слово «лечиться» и Митрич сочетаются так же нелепо, как благоухающая роза с крышкой зловонного унитаза) Митрич даже думать не хотел, и даже теперь, когда они в бегах, для него инстинкт самосохранения перед желанием вмазаться отошел на второй план. Сказать Митричу: «Брось ширяться, и станешь счастлив!» – было все равно, что сказать Ромео: «Убей Джульетту, и тебе станет легче...»

...Митрич когда-то был грозой района и в связи с этим частым гостем (в основном поневоле) в местном отделении милиции. Малолетние проститутки, контроль над местными воришками, сбор дани с других районов, грабеж случайных прохожих – все это было в пределах его контроля. И хотя они были близнецами, улица отдавала предпочтение именно Митричу, его необузданной ярости, силе, изворотливому уму. Его боялись и уважали, молодые мамы пугали его именем своих непослушных детей, каждая вторая девчонка района готова была на все, лишь бы Митрич обратил на нее внимание, не говоря уже о том, чтобы оказывал ей свое покровительство. Но в один прекрасный день он вернулся в их небольшую съемную квартиру совсем другим. Тогда им было по семнадцать...

Все началось с торговли. Новые знакомства, связи, трали-вали, в итоге – постоянные разговоры о «дознячке», абстинентный синдром, галлюцинации, бредовые идеи и тому подобное. Ярик помнил, как однажды Митрич ввалился домой под жутким кайфом. Он уселся в старое кресло и закинул ноги в ботинках прямо на стол. Вытащив из кармана опасную бритву, он стал спрашивать, почему корова ест траву зеленого цвета, а молоко получается белым. Потом он сказал, что корова, которая не дает молока, называется жадной-говядиной. Ярик, нахохлившись, слушал этот бред. Ему было и смешно, и страшно одновременно. Затем неожиданно Митрич стал размахивать бритвой в воздухе и издавать звуки, отдаленно напоминающие пчелиное жужжание. Ярику он пояснил, что он – пчела и охотится за летающими электроблинчиками. Полный отпад! Это было бы смешно, если бы не было так грустно. В результате Митрич разбил телевизор, повыбрасывал в окно стулья и сильно порезал себе руку...

Потом Митрич связался с местными наркоманами и выступал посредником в поставке героина каким-то крутым ребятам, с которыми у него и произошел недавний конфликт...

2

Все произошло до идиотизма просто и с катастрофической точностью. Позже Ярик клял себя за то, что решил в тот день навестить своего брата. Ведь все могло быть иначе...

Он уже полтора года не видел Митрича и о его очередных подвигах знал только по слухам. Поговаривали, что брат успел отсидеть год за решеткой (находясь под кайфом, попытался «разжаловать» сержанта, то есть сорвать с него погоны), вышел и снова взялся за старое.

В тот злополучный день Ярик собирался ехать в Красноярск. Один старый знакомый предложил подзаработать, да и Ярику самому осточертело болтаться на одном месте. Кроме того, последнее время он обитал в Омске, а там за ним водились кое-какие грешки... Ничего особенного, просто как-то на одной из вечеринок он переспал с симпатичной девочкой, которая оказалась дочкой начальника окружного УВД. Все бы ничего, но девушка залетела. Отец узнал об этом, скрупулезно изучил биографию Ярика и почему-то захотел познакомиться поближе со своим потенциальным зятем. Желательно у него в кабинете. Это не вызвало особого восторга у Ярика, и он решил смыться. Он понимал, что поступает не по-джентльменски, но инстинкт самосохранения оказался сильнее... В конечном счете, как потом признался себе юноша, поездка в другой город в большей степени была спровоцирована именно этой историей, а смена работы – уже второстепенное дело.

Перед отъездом он неожиданно оказался в знакомом районе и вспомнил о Митриче. Родственные чувства дали о себе знать, и после недолгой борьбы с самим собой он поехал на квартиру, которую, по последним сведениям, снимал его брат. Поехал, несмотря на то, что каждая встреча с Митричем в лучшем случае заканчивается какой-нибудь разборкой с местной шпаной или ментовкой. Он долго жал на звонок и уже собирался уйти, как дверь открылась и его бесцеремонно втащили внутрь.

– Ты кто? – прямо спросил его здоровенный мужчина в костюме. От него за версту несло парфюмом, пальцы были унизаны массивными перстнями.

– Ярослав, – осторожно ответил юноша. – А ты кто?

Громила усмехнулся:

– Шмель. Слышал?

Ярик кивнул, чувствуя, как его охватывает страх. Еще бы не слышал! Митрич как-то рассказывал о нем. Шмель, правая рука Хохи, одного из крутых нарковоротил в столице... Его настоящего имени никто не знал, но поговаривали, что эта кличка подразумевает не известного всем полосатого летающего насекомого, а... гранатомет. Что ж, если сам Шмель пожаловал в захолустную квартирку к Митричу, то его брат вляпался по-крупному.

– Ну пошли, Ярослав Мудрый. – Он подхватил Ярика за локоть.

Молодой человек хотел возмутиться, но из коридора показались еще двое мордоворотов, и он благоразумно промолчал.

Они прошли в комнату, и Ярик увидел брата. Митрич имел жалкий вид – сгорбленная фигура, трясущиеся руки. Бледное лицо и постоянное почесывание говорили сами за себя – Митрича ожидала ломка.

– Кто это? – вежливо поинтересовался Шмель у Митрича, и тот ответил, не поднимая головы:

– Мой брат.

– Да, сходство определенно есть, – сделал вывод громила и тут же потерял к Ярику интерес. Бритоголовые гориллы изредка бросали на него тяжелые взгляды, от которых у Ярика сосало под ложечкой. Он со страхом вслушивался в разговор, понимая, что теперь-то Митричу уже не отмазаться.

Как он понял из последующего разговора, Митрич выступил посредником между Хохой и некими крутыми ребятами из Питера в поставке большой партии героина. Эти парни что-то там нахимичили и кинули Хоху.

Разговор не клеился, так как Митрич только икал и затравленно озирался по сторонам, словно заблудившийся котенок. Шмель скомандовал одной из своих обезьян дать ему дозу. Митрич с жадностью укололся и сразу повеселел.

Тем не менее он до последней минуты не мог врубиться в суть ситуации и с идиотской улыбкой слушал спокойную речь главного помощника Хохи о том, что его «надежные» и «проверенные» парни из северной столицы могут заняться с ним извращенными интимными отношениями, и если то дерьмо, которое он купил по совету Митрича у вышеупомянутых ребят – герыч, то он, безусловно, сам Микки-Маус. Дело в том, что вместо четырнадцати килограммов героина в аккуратно упакованных пакетах оказался самый что ни на есть обычный стиральный порошок, который Шмель может купить в любом занюханном хозяйственном магазине, причем без помощи Митрича.

Когда же до Митрича стал доходить смысл сказанного, его охватил испуг.

– Я сам лично проверял качество, – попытался слабо защититься он.

Шмель нехорошо улыбнулся, продемонстрировав чудеса стоматологии: великолепные вставные зубы.

– В таком случае, малыш, ты еще глупее, чем я предполагал. Тупица, неужели ты никогда не слышал о том, как легко проводят таких придурков вроде тебя, проворачивая подобные сделки? Эти ребята молодцы. Я горжусь ими. Они обвели тебя вокруг пальца, Митрофан или как там тебя, понял? Специальный подставляла всегда сделает так, чтобы ты попробовал именно из той упаковки, которую предложит тебе он! Ясно тебе?!

– Шмель, я все улажу. Ну, произошла ошибка. В конце концов, все когда-нибудь ошибаются. Я уверен, что еще не все потеряно... – начал Митрич, но Шмель его оборвал:

– Ты верно сказал, еще не все потеряно, но об этом мы поговорим позже. А что касается ошибок, то должен довести до твоего сведения, что первой ошиблась твоя трахнутая мамаша, когда не сделала вовремя аборт и позволила появиться на свет такому дауну, как ты.

Митрич закипятился, с вызовом сказав Шмелю, что он не смеет так говорить с ним, за что тут же схлопотал в челюсть. Ярик хотел было вступить, но тут же прикусил язык, увидев направленное на себя дуло пистолета.

Когда Митрич пришел в себя, Шмель курил с задумчивым видом.

– Неделя, Митрофаныч. Неделя, чтобы вернуть Хохе его деньги плюс проценты. Ты хорошо понял меня? Двести пятьдесят кусков, и ни на один долбаный цент меньше, дошло до твоих куриных мозгов?

НЕДЕЛЯ, ЧТОБЫ ВЕРНУТЬ ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ!

Митричу показалось, что он ослышался. Сколько? Повторите, пожалуйста, у меня в ушах бананы! Хорошо, что он все еще лежал на полу, иначе после слов Шмеля он бы снова грохнулся в обморок.

В противном случае, елейным голоском сказал на прощание Шмель, если ты опоздаешь хоть на минуту, мои ребята побеспокоятся о том, чтобы на твоих руках прибавилось несколько локтевых сгибов. В случае невыплаты данной суммы после этого (естественно, с учетом набежавших процентов) яйца Митрича потеряют своего хозяина и будут использоваться исключительно в качестве бильярдных шаров. Что будет, если условия Хохи не будут выполнены и в этот раз, Шмель умолчал, но Ярик и сам прекрасно догадывался. Для таких людей, как Хоха, раздавить человека все равно что выпустить газы, объевшись гороха.

– Какого хрена тут происходит, Митрич? – спросил Ярик, когда Шмель с громилами ушел. Тот ответил не сразу – ему срочно требовалась добавка. Только влудив еще несколько кубиков какой-то дряни в вену, он заговорил.

Рассказ Митрича не принес ничего нового, и Ярик не знал, плакать ему или смеяться. Одно он знал точно – поездка в Красноярск откладывается на весьма неопределенное время. Поведая свою историю, Митрич потер саднящую челюсть. Он раздумывал ровно минуту.

– Ярик, все плохо. Брат, все плохо настолько, насколько только может быть плохо, так тебя растак. Все не просто плохо, все ОЧЕНЬ плохо, Ярик.

Слушая брата, Ярик молча разглядывал его сожженные вены, на которых уже не было живого места.

– Такой суммы мне не собрать и за двадцать лет, – ругался между тем Митрич. – Мы смоемся по-тихому и некоторое время переждем. Ах, да. Извини, что втянул тебя в это, – вдруг вспомнил он, и Ярику захотелось его ударить.

Искать парней из Питера не имело смысла – они наверняка уже грели свои задницы где-нибудь на Багамских островах. Ярик и сам понимал, что противостоять Хохе невозможно. Воевать с подобными ему людьми все равно что швырять песок в приближающийся цунами в надежде, что он минует тебя, изменив направление.

– А куда мы поедем? – с безнадежностью в голосе спросил Ярик.

Митрич посмотрел на брата как на слабоумного:

– Конечно же, в Омск. К тебе то есть.

– Ко мне? – изумился юноша.

– А что? – Митрич на мгновение застыл и подозрительно уставился на брата. Немного помявшись, Ярик рассказал брату о причине, побудившей его уехать из Омска. Обменявшись любезностями, кто из них дырка от задницы, братья быстро помирились. Посоветовавшись, они решили уехать в Красноярск. Вечером они угнали машину. Какой-то растяпа в мешковатом костюме оставил в красном «Опеле» (какая непростительная халатность!) ключ зажигания. Через пять минут Митрич и Ярик мчались по трассе № 62. Куда? Бог знает. Митрич уверял, что в какой-то глухой деревеньке живет один его знакомый, которому когда-то он оказал неоценимую услугу, и теперь этот знакомый по гроб жизни должен Митричу, и, конечно, ему ничего не будет стоить пустить к себе пожить на некоторое время двух бедных близнецов, и, может быть, он даже даст им кое-какие деньги... Слушая несмолкаемую болтовню брата о мистическом знакомом, Ярик поймал себя на мысли, что ни на йоту не верит его словам. Надолго ли хватит Митрича? Ярик знал, что если наравне с героином употреблять внутривенные наркотики, то ситуация очень скоро станет неконтролируемой.

По дороге они ограбили бензоколонку. Они оба устали, хотелось есть, стрелка топлива дрожала на отметке «0», поэтому Митрич просто достал пистолет и наставил его в лоб заправщику. Ярику было искренне жаль его, но своя шкура, как известно, дороже. Они заправили полный бак, однако машину все же следовало сменить.

Денег оказалось немного – около шести тысяч, но Митрича это не пугало. (Когда у тебя пистолет, деньги можно раздобыть всегда, с всезнающим видом говорил он Ярику.) Больше всего он боялся, что когда-нибудь наступит момент, когда его запасы такого чертовски хорошего белого порошка закончатся. Правда, осталось несколько доз, которые можно вводить внутривенно... Митрич гнал от себя эти мысли, как назойливых mosquitos, но они вновь и вновь упрямо атаковали его уставший мозг...

3

– Похоже, к нам пожаловала юная семейка, – чуть насмешливый голос вернул Ярика к реальности.

Он медленно поднял голову. Его столик находился справа от входа, голос раздался слева. В противоположном углу расположилась компания мужчин, Ярик насчитал четырех человек. Все четверо, очевидно, были водителями тех фур, которые стояли у кафе. Эдакие «волки дорог», бороздящие просторы страны, которые глубоко убеждены, что именно они и есть самые настоящие мужчины, хотя Ярик, разглядывая их туповатые лица, решил, что их физиономии следовало бы поместить в медицинский справочник в качестве иллюстраций к теме «Идиотизм и дебилность на последней стадии». Невзирая на жару, все были одеты в теплые байковые рубашки и лоснящиеся от грязи и машинного масла комбинезоны. Они шумно пили пиво из громадных пузатых кружек, рыгая и ковыряясь в зубах грязными ногтями.

В самом углу он разглядел девушку. Скучное освещение не могло скрыть того, что она была довольно привлекательна. Стянутые в хвост темно-рыжие, почти коньячного цвета густые волосы, испуганные глаза, хорошенький ротик, маленькие аккуратные руки.

– Маленьким сладеньким мальчикам не следует гулять в таких глухих местах, – продолжил тот же голос. Он принадлежал тучному высокому, почти под два метра ростом, мужчине. У него было красное обветренное лицо, в прокуренных зубах папираса. Он поднялся со своего места и направился к столику, за которым сидел Ярик. Все замолчали. Верзила в синей клетчатой рубашке за столиком одобрительно кивнул и что-то прошептал своим дружкам.

Ярик почувствовал, как напряглись мускулы. Великан подошел почти вплотную к нему:

– Твой друг не обучен хорошим манерам.

Ярик с любопытством посмотрел на него. Здоровяк выпустил дым изо рта прямо в лицо Ярика.

– Никому не позволено грубить Вите, когда он обслуживает нас. Я с нетерпением жду твоего шибко умного партнера, вы ведь партнеры? Ну, я имею в виду, – он соединил большой палец с указательным и смачно плюнул в получившееся отверстие. После этого он обернулся к своим друзьям, приглашая их посмеяться над этой ужасно смешной шуткой. Те не заставили себя долго ждать и дружно загоготали.

– Так вот, – продолжал он, не отрывая тяжелого взгляда от Ярика, который продолжал неподвижно сидеть за столом, сцепив перед собой руки. – Я дождусь твоего любовника, хотя что-то он уж очень долго возится там со своим огрызком. Или он подмывается?

Хохот. Кровь бросилась в лицо Ярика, пальцы его рук сжались так, что побелели суставы, на скулах заиграли желваки.

Бармен принес мясо с жареной картошкой и пиво. Ярик глубоко вздохнул и сделал глоток пива, буквально кожей чувствуя на себе обжигающий взгляд верзилы.

– Хочу уточнить кое-какие детали, парень. Ты ведь парень, не так ли? Хотя, глядя на твои патлы, можно подумать, что ты баба. Или это парик?

Хлопнула дверь, и к столику подошел Митрич.

– Чем обязан столь редкостному удовольствию видеть вас? – Он выжидательно смотрел на здоровяка. Митрич был почти на голову ниже его, но разглядывал его так, будто видел перед собой раздавленную на сельской дороге крысу.

Ярик сразу уловил происшедшие перемены в брате: исчезла нервозность, движения стали четкие и уверенные, почти плавные, речь спокойная и размеренная.

Несколько томительных секунд они изучали друг друга. Неожиданно черты лица дальнобойщика разгладились – похоже, его озарила какая-то идея.

– Ладно, мальчики, ешьте. Мы поговорим чуть позже. – Произнеся эти слова, он вернулся к своему столу.

«...Твои глаза как горные кристаллы, в них – вся моя жизнь...» – хрипел музыкальный центр.

Митрич плюхнулся на расшатанный стул, и он жалобно заскрипел под его весом.

– Что было нужно этому дерьмовозу? – спросил он, жадно вгрызаясь в мясо. Оно было холодным и жестким, пиво – теплым и выдохшимся, но близнецы с удовольствием накинудись на эту нехитрую еду.

Глотая почти не прожевывая большие куски, Ярик неожиданно открыл для себя, что ему все время хочется смотреть в ту сторону, где сидела та девушка с волосами цвета расплавленной меди.

– Он считает нас голубыми, – выговорил он с полным ртом.

Митрич глотнул пива, глаза его заблестели:

– Да ну? Убедим его в обратном?

– Мне кажется, сейчас не время, – промолвил Ярик, не отрывая взгляда от сидящей в углу девушки. Она поймала его взгляд, и уголки ее прелестного ротика робко раздвинулись в жалкой улыбке.

– Я знаю, что тебе нужно. – Митрич отодвинул в сторону пустую тарелку. По липкому столу пробежал большой таракан, и он ловко прихлопнул его пивной кружкой. – Догадываешься?

Ярик с шумом выпустил из легких воздух.

– Ну? – не отставал от него Митрич. – Лови момент, пока я добрый.

Ярик перехватил взгляд брата и неожиданно почувствовал, что тоже не прочь вмазаться.

Только один раз, приказал он себе, но его все еще одолевали сомнения.

– Ну, давай. Я пока покурю, а ты иди... А потом мы выясним, кто больше похож на педрилу – мы или эти мудозвонь, – сказал Митрич. Он достал из кармана свернутый из фольги шарик и протянул его Ярику.

Мгновение юноша смотрел на этот шарик, напряженно раздумывая. От одной дозы все равно ничего не будет, а нервное напряжение становилось невыносимым...

– Ладно. – Он взял шарик и поднялся. Помедлив, сказал: – Нам нужна новая машина. Нас ничего не стоит вычислить.

– Я уже об этом думал. – Митрич делал вид, что увлеченно разглядывает полураздавленного таракана. Он все еще пытался уползти, волоча за собой бледно-желтые внутренности. На самом деле Митрич исподлобья разглядывал четверых громил.

– Я скоро вернусь. – Ярик направился к туалету.

У дверей стоял бармен.

– Что-нибудь еще? – подобострастно спросил он, но в его заплывших глазах горела черная ненависть.

– Нет. Мой друг расплатится, – с этими словами Ярик закрыл за собой дверь. Сзади снова раздался оглушительный хохот.

Густая вонь испражнений и застоялой мочи тут же ударила в ноздри. Едва сдерживая возмущенные позывы желудка исторгнуть из себя наспех проглоченный обед, Ярик прошел к кабинке. Их было всего две, дверь одной из них была щедро вымазана чем-то темно-коричневым, и юноша благоразумно решил воспользоваться второй.

Засиженные мухами стены туалеты были сплошь покрыты различными надписями весьма глубокомысленного содержания, как-то: «Подойди ближе, он не такой длинный, как ты думаешь!», «Позвони Ленке – она классно сосет!», «Тряси, не тряси – последняя капля всегда на ботинок!» – и так далее. Ярик усмехнулся. Под ногами хлюпала грязная жижа, возле унитаза валялся шприц. Нахмурившись, молодой человек с хрустом раздавил его каблуком.

Развернул шарик, высыпал его содержимое на ладонь, вдохнул... Несколько секунд ничего не происходило, и Ярик уже решил, что Митрич его надул, как вдруг теплая волна мгновенно разлилась по всему телу, подгоняя кровь в венах, устремляясь в мозг. Сейчас будет приход, как обычно говорит Митрич... Ярик невольно подумал, что так, должно быть, рыбы на дне океана чувствуют приближение землетрясения. Сердце, очнувшись, с учащенной ритмичностью пропускает порции крови, мировосприятие остановилось...

У-у-уф...

Когда он вернулся в бар, обстановка не изменилась. Митрич, докуривая, все так же искоса поглядывал на здоровяков в комбинезонах. Один из них подсел к девушке. Похотливо ухмыляясь, он наклонился к ней, что-то шепча, та неуверенно отнекивалась. Увидев Ярика, она с надеждой посмотрела на него, в ее испуганных глазах он прочел мольбу о помощи.

Митрич стал подниматься из-за стола, рука его как бы невзначай скользнула по карману жилетки, где у него удобно устроился пистолет.

– Как самочувствие, братишка? – участливо спросил он у Ярика.

– Нормально, – пробормотал юноша. Предметы перед ним то приближались, то отдалялись, отчего он чувствовал головокружение.

– Что, уже подмыли свои чудные попки, малыши? – спросил великан с красным лицом. Он затушил папиросу прямо об стол и тоже поднялся.

Ярик пропустил его слова мимо ушей. Он заторможенно, не отрывая глаз, смотрел, как сидящий подле прекрасной девушке жирный боров неловко пытается ее обнять, продолжая что-то нашептывать ей на ухо, сально улыбаясь при этом. Глаза девушки наполнились слезами. Она тихо ойкнула и попыталась встать, но тот резким движением своей громадной ручки легко усадил ее на место.

Ярик сдвинул брови.

– Просто иди. Иди, – донесся до него шепот Митрича.

«Ага. Я сейчас просто пойду, пройду между этими стульями, мимо этих обезьян, выйду на улицу, сяду в машину и уеду, а эти грязные жирные твари буду хватать ее прекрасное тело своими немытыми руками, а потом они отнесут ее, плачущую и отбивающуюся, наверх, в одну из пыльных комнатенок этого захолустья, и будут по очереди ее насиловать...»

При мысли о том, что эта орава потных громил могут сделать с девушкой, Ярику стало тошно.

– Иди, – повторил Митрич и слегка толкнул его в спину.

И он пошел. Словно робот, у которого заржавели важные части механизма. Митрич неслышно ступал следом за ним.

В бар несмело зашел тощий щенок и, подойдя к луже неизвестного происхождения, стал ее лакать, виляя обрубок хвоста.

– Ребята, у нас есть кое-что вам сказать. – Здоровяк в ковбойке ощерил в улыбке желтые от никотина зубы.

– У меня тоже, – сказал Ярик и, внезапно бросившись к девушке и сидящему рядом с ней толстяку, присев, резко выбросил вперед правую ногу. Результат превзошел все ожидания. Туша дальнобойщика грузно повалилась со стула, опрокинув стоящий позади стол, при

этом Ярик со злорадством успел прочитать в изумленных глазах толстяка растерянность, граничащую со страхом. Раздался звон разбитых бутылок и ругань бармена.

Недолго думая, Ярик схватил за руку девушку.

– У меня тоже есть что тебе сказать, навозная куча, – вымолвил он, сжав ее маленькую ладонь. – Она поедет с нами.

Сказать, что только что происшедшее поразило всех находящихся в баре, значит, не сказать ничего. Глаза великана с красным лицом округлились до размеров тарелок, остальные двое неверяще смотрели, как их компаньон, матерясь, возится на полу среди обломков стула, пытаясь подняться. Краем глаза Ярик заметил, что Митрич отошел в сторону и встал у стены, лишая других возможности обойти его со спины.

– Не так быстро, детишки. – Великан быстро пришел в себя. – Спокойно, Витек, – он обратился к бармену, который с пунцовой от злости лысиной стоял, уставившись на разбитый стул. – Эти ребята оплатят тебе все, я обещаю.

Он снова повернулся к Ярику.

– Ты хочешь эту пташку? – Он указал пальцем на дрожащую девушку. – Тогда у меня к тебе предложение. – Под его кустистыми бровями хитро сверкнули глаза.

Ярик воинственно смотрел на него:

– И какие же условия?

Толстяку наконец удалось подняться, и он зарычал, с ненавистью глядя на Ярика:

– Олег, какие, на хрен, условия, я задую этого молокососа прямо сейчас!!

Лицо великана закаменело:

– Сядь.

Потом он повернулся к Ярику:

– Условия очень простые, малыш. Мы просто померяемся с тобой силой, и ты докажешь нам, что ты мужик. Так ведь, ребята? – Он снова ухмыльнулся.

– Назови хоть одну причину, по которой он должен тебе это доказать – сказал Митрич. Он настороженно следил за каждым движением огромных мужчин.

Глаза Олега вспыхнули:

– Закрой пасть. С тобой будет отдельный разговор. Так вот, – он в упор разглядывал Ярика, с его словно высеченного топором лица не сходила пренебрежительная улыбка. – Мы сейчас с тобой сядем за стол, упрям локти в стол, сцепим кисти рук, и каждый будет тянуть в свою сторону. Знаешь такое состязание?

Ярик кивнул.

– Победитель забирает девушку, проигравший проставляется. И после этого ты выясняешь отношения с Кирюшей (он указал массивным пальцем на толстяка, которого сбил Ярик), поскольку, судя по всему, ему не терпится дать тебе сдачи.

«Вообще-то я собираюсь убить тебя. Тебя и твоего сраного друга, который уж очень напоминает сторчавшегося пидора, а потом помочиться на ваши трупы», – говорили его смеющиеся в это время глаза.

Ярик почувствовал, как ногти девушки впились в его ладонь. Она еле слышно вздохнула и придвинулась ближе к нему. Юноша ощущал исходившее от нее тепло и неожиданно почувствовал, как его охватывает возбуждение.

Он медленно высвободил руку и посмотрел на Митрича.

«Надеюсь, ты не настолько сбрендил от вида красотки, что действительно решил меряться силой с этим медведем?!» – безмолвно спросил брат, но Ярик уже садился за стол.

Громили возбужденно зашептались в предвкушении увеселительного зрелища; белая как мел девушка обреченно смотрела на усаживающегося Олега. Он был почти вдвое шире в плечах Ярика, его руки напоминали толстые стволы деревьев, шеи не было видно вообще. Он закатал рукава.

– Начнем?

– Пожалуй. – Ярик чувствовал, как заколотилось сердце.

– На счет три. Витек?

Бармен шмыгнул носом и подошел ближе. Они сцепили руки.

– Раз!

Ладонь Олега была твердой и шершавой, как кора старого дерева, пальцы стальными клещами обхватили запястье Ярика.

– Два!

У Ярика возникла мысль, что Витек явно не первый раз участвует в подобном мероприятии. Краем глаза он увидел, как здоровяк в ковбойке грубо схватил за локоть рыжеволосую девушку.

– Это чтобы твой дружок вдруг не решил сбежать с ней, когда начнется самое интересное, – сообщил он и захохотал.

Ярик чувствовал, как вспотели его ладони. Глаза великана, казалось, превратились в бушующие факелы.

Ярик набрал побольше воздуха в легкие.

– ТРИ!!!

Борьба началась.

4

Олег улыбался во всю ширь лица. Ярик чувствовал исходящее от него несвежее дыхание, оно отдавало табаком и луком. Он снисходительно смотрел на Ярика, его рука почти не напряглась и напоминала глубоко врытую в землю скалу.

Струйка пота проделала узкую дорожку на лице юноши, вены и жилы, казалось, лопались от напряжения, мышцы постепенно теряли чувствительность. В какую-то долю секунды он поймал обеспокоенный взгляд Митрича.

«Нет, братишка, этот орешек тебе не по зубам. И хотя у тебя прекрасное сильное тело и ты не употребляешь наркотики, ты не сможешь одолеть его. А вообще, ты дурак. Не то время выбрал, чтобы играть в благородство».

Руки борющихся еще оставались на одной линии, но Ярик со страхом видел, что Олег просто играет с ним. Играет, как сытая кошка с мышью. И он наслаждался этой игрой. Собрав все силы, Ярик удвоил нажим, Олег позволил ему немного наклонить свою руку влево, затем с холодной усмешкой вернул ее на место.

Ярик начал задыхаться.

Рыжеволосая девушка с нарастающим страхом, словно загипнотизированная, следила за неравной борьбой, кулачки ее красивых рук нервно сжимались и разжимались. Здоровяки, сгрудившиеся вокруг стола, одобрительно гудели, табачный дым заволакивал глаза, спина взмокла от пота, и Ярик чувствовал, что силы его медленно, но неуклонно покидают. Сидящий перед ним громила становился похожим на уродливого павиана, желтые зубы скалились в ухмылке.

«Никуда вы отсюда не уедете, – читалось в его сверкающих глазах. – Сейчас я положу твою руку на этот гребаный стол, а потом убью. Убью тебя и твоего партнера, а потом буду трахать эту красотку. Прямо на этом столе. Пить пиво и трахать».

Левая рука Ярика сама потянулась к карману. Горло пересохло.

– Олег, давай!!! – скандировали ошалевшие от предстоящей победы друга дальнобойщики.

Митрич сделал шаг в сторону двери, лицо его стало землистого цвета.

«Пожалуйста! Не позволяй ему победить тебя!» – молили распахнутые глаза девушки. Весьма некстати Ярику пришло в голову, что они похожи на красивые крылья какой-то экзотической бабочки.

Очевидно, Олег наконец решил, что время игр закончилось, и слегка напряг руку. Ярик с ужасом увидел, с какой легкостью здоровяк одолевает его, почти не предпринимая никаких усилий. На виске вздулась жилка, все тело было подобно натянутой струне, тревожно звенящей и в любую секунду способной лопнуть, рука под нажимом великана неумолимо приближалась к залитой пивом поверхности стола.

«Быстрее, черт возьми!»

Левая рука нащупала нужный предмет в кармане и стала осторожно извлекать его наружу. Медлить больше нельзя, его глаза уже окутывала багровая пелена.

– ОЛЕГ!..

До стола оставались несколько миллиметров.

(«проигравший

(умирает)

проставляется...»)

– ОЛЕГ!!!

«Не дай ему выиграть, ты же знаешь, что он и его дружки сделают со мной...»

Ярик с шумом выпустил из легких воздух, словно взорвавшаяся камера, его левая рука взметнулась, движение было настолько быстрым, что его никто не заметил; глазам присутствующих предстало лишь какое-то неуловимое, будто смазанное в воздухе движение. На какое-то время все замерли. Затем гортанный, полный боли и ярости вопль разорвал липкую тишину.

Кричал Олег. Здоровяки в комбинезонах умолкли.

Теперь стало видно, что на запястье великана появился глубокий разрез, из которого широкой струей хлынула кровь, а в левой руке парня они увидели опасную бритву.

Олег с изумлением смотрел на окрашивающуюся кровью кисть, в то время как Ярик без труда положил его ослабевшую руку на стол. Рана на запястье напоминала кошмарную улыбку вампира.

Ярик тихо сказал:

– Я выиграл.

Наступила тишина.

Ярик, бледный как смерть, не отрывал глаз от Олега, тот, все еще не веря своим глазам, уставился на рану. В следующее мгновение он сделал то, что меньше всего ожидали от него окружающие – судорожным движением схватил здоровой рукой кружку с пивом и стал ее жадно допивать. Под его изувеченной рукой образовалась уже целая лужа крови, которая вскоре стала просачиваться сквозь расщелины в столе и капать на пол.

Ярик зачарованно наблюдал, как дергается кадык великана. В следующую секунду Олег взмахнул рукой. Ярик увидел взметнувшуюся над своей головой кружку. В самый последний момент молодой человек отклонился назад: если бы он вовремя не среагировал, тяжелая литровая посуда размозжила бы ему череп; но край дна все равно зацепил скулу. Ярик вскочил на ноги, сжимая в руках бритву.

– Беги! – успел крикнуть он девушке.

Олег наконец пришел в себя и с нечеловеческим криком поднялся со стула, при этом он с невероятной быстротой толкнул стол на Ярика. Послышался звон пустых бутылок, край стола с силой врезался Ярику в живот, заставив юношу согнуться пополам от боли. Следующий удар кулака великана пришелся в левое ухо Ярика, падая, он сбил с ног стоявшего за спиной бармена, и они оба повалились на пол.

Стоявшие вокруг стола приятели Олега тоже пришли в себя. Кирюша, которого пару минут назад сбил со стула Ярик, бросился к бильярдному столу и через мгновение с перекошенным от злобы лицом понесся к Ярику, сжимая в толстых ручищах кий.

Девушка с рыжими волосами, в безмолвном ужасе наблюдавшая за дракой, вдруг с яростью вцепилась зубами в запястье державшего ее здоровяка в ковбойке. Мужчина, вздрогнув, вскрикнул, в его голосе сквозило скорее удивление, чем боль. Звук оплеухи прозвучал как удар плетью – голова девушки нервно дернулась назад и бессильно повисла; она стала медленно оседать на пол. Пытаясь подхватить обмякшее тело, дальнобойщик не заметил бесшумно возникшего за его спиной Митрича. В руках последнего что-то тускло блеснуло.

Второй раз спертый воздух в баре содрогнулся от душераздирающего воя; человек в ковбойке выпустил из рук потерявшую сознание девушку и, шатаясь, развернулся. Одно ухо мужчины висело на тоненьком лоскутке кожи, шею и плечи поливал кровавый дождь. Митрич ловко, по-кошачьи отскочил назад, настороженно следя за вторым громилой. В руках его краснела опасная бритва, он приготовился к атаке.

Раздался звон разбитой бутылки. Кто-то закричал тонким голосом.

Ярик ворочался на полу, ругаясь и проклиная попавшегося под руку бармена, который визгливо пищал от страха, стараясь высвободиться из-под его тела. От неумелых ударов кием, нанесенных толстяком, ему удалось увернуться, но армейский ботинок Олега попал ему в бок и отбросил в сторону на метр, причинив дикую боль. Застонав, Ярик присел на

корточки, смахнув с лица кровь. Бритву из левой руки он переложил в правую. Бармен наконец все-таки сумел подняться на четвереньки. Быстро, как гигантский паук, он засеменял к стойке.

Изрыгая ругательства, Олег сделал шаг в направлении Ярика и занес ногу для следующего удара; с другой стороны размахивал кием Кирюша. Стиснув до ломоты в зубах челюсти, Ярик нырнул под удар кием и, оказавшись у самых ног толстяка, взмахнул бритвой. Наточенное до невидимости лезвие косо вошло в пах Кирюши, погрузившись больше чем наполовину.

С гулким стуком кий упал на пол, мужчина с недоверием смотрел на внезапно появившийся у него между ног предмет, из блекнувших губ вырвался жалобный писк, и он, сделав два неуклюжих шага вправо, завалился на стул. Там он и остался сидеть с застывшим лицом, лишь глаза безумно вращались, словно пытаясь охватить собой все пространство.

Митрич пожирал глазами надвигающегося на него громилу. Срезанное ухо свисало, как лоскут отклеившихся от времени обоев, лицо стало багрово-фиолетовым. Он нервно щупал болтающееся ухо, ослепительно-белые белки глаз в красных прожилках выскакивали из орбит:

– Ты... Ты!.. Сучий выродок, да как... ЧТО ТЫ НАДЕЛАЛ?!

Митрич чуть не рассмеялся от наивности вопроса, однако в следующее мгновение что-то острое с силой вонзилось ему в бок, разрывая одежду и перемешивая внутренности. Внутри что-то взорвалось.

Охнув, он повернулся назад и увидел стоящего перед собой второго здоровяка, взгляд выхватил горлышко разбитой бутылки – «розочку», которую тот сжимал в руке, ее зазубренные края были темно-красными. Глаза крепыша горели от возбуждения, но к ним также примешивался страх. Он медленно поднял свое страшное оружие, и в этот миг Митрич коротко чиркнул бритвой (дзынь!) и снова отскочил назад.

Леденящий кровь вопль на некоторое время заполнил все остальные звуки – лезвие бритвы начисто отсекло мизинец здоровяка, и, наткнувшись на серебряный перстень, опоясывающий безымянный палец, оставило на нем глубокую царапину. «Розочка» звякнула, упав на пол. Жалобно подвывая, мужчина поднес раненую руку ко рту и принялся старательно зализывать рану.

Ярик с трудом поднялся на ноги, взгляд его метался в поисках какого-нибудь подобия оружия. Осколки пивных кружек и пустых бутылок, лужи крови и пива, обломки старых столов и стульев... Олег подошел почти вплотную.

– Я плохо расслышал, малыш. Так кто все-таки выиграл? – вкрадчивым голосом спросил он.

Ярик молчал, собираясь с мыслями. Бритва осталась в жирных складках тела Кирюши – он все так же неподвижно сидел на стуле, похрюкивая, толстые пальцы обхватили скользкую от крови рукоятку, но он все еще не решался извлечь бритву из раны. Под просевшим стулом уже образовалась большая лужа, и на первый взгляд можно было подумать, что сидящий на стуле грузный мужчина просто перебрал виски и сделал пи-пи прямо в штаны. До него было метра три, не больше, но Олег был уже совсем рядом...

Митрич бросился к зализывающему руку громиле. Тот расширенными глазами смотрел на него, не в силах пошевелиться. Первый удар бритвы прошел вскользь, и мужчине удалось немного пригнуться вниз, лезвие лишь срезало лоскут кожи с волосами дальнобойщика. Митрич вертелся вокруг него, как матадор вокруг быка, верзила лишь неуклюже топтался на месте в луже собственной крови, тряс головой и что-то мычал, отчего действительно был очень похож на быка. Митрич был так занят им, что забыл про здоровяка в ковбойке. Тем временем громила с отсеченным ухом вытащил из-за пояса широкий охотничий нож и подошел к неподвижно лежавшей у выхода девушке.

Наконец подходящий момент настал, и Митрич плавным движением бритвы рассек горло верзиле. Раздалось глухое бульканье и тяжелый стук обмякшего тела, затем нога, обутая в грубый запыленный ботинок, пару раз дернулась и замерла.

Снова раздался пронзительный визг; Митрич раздраженно обернулся и увидел толстуху в грязном переднике – зажав уши мясистыми руками, она билась в истерике. Боковым зрением Митрич увидел бармена, который сосредоточенно возился в шкафу. Решив, что пока он не представляет опасности, Митрич поискал взглядом брата. Боль в боку нарастала, подобно приближающемуся шторму, в висках тяжело пульсировало.

Ярик осторожно отступал назад, с трудом уворачиваясь от кулаков Олега, интуиция заботливо подсказывала ему, что, если хоть один из них достигнет цели, ему больше не придется беспокоиться о себе и Митриче и его близкими друзьями станут могильные жуки с червями.

– Эй! Эй, придурок!

Ярик повернул голову в сторону, откуда раздавался голос, и тут же получил такой удар в бровь, что ему показалось, будто его сбил поезд. Мгновенная россыпь черных точек, резкая боль, и он провалился в темноту.

– Ты не слышишь?! Я тебе! – Здоровяк с болтающимся ухом, ухмыляясь, смотрел на Митрича. Он присел возле девушки и прижал лезвие ножа к ее бледной шее. – Еще один шаг, и я поиграю с ней в хирургию. Игра называется, – он на секунду задумался, – отрежь мне башку к едрене-фене. – Он залился лающим смехом в восторге от собственной шутки. – Бросай свою игрушку, иначе я перережу ей глотку.

Митрич оскалился:

– Нет проблем. Ты думаешь, я буду горевать из-за ее смерти?

Верзила в ковбойке замялся.

– Конечно, нет. Смерть этой шлюшки не особенно заденет тебя. Но, возможно, ты будешь горевать над его смертью, – прозвучал голос Олега. Он поднял кий, выроненный Кирюшей, и аккуратно, почти бережно установил его на шее лежащего без сознания Ярика, удобно уперев конец прямо в ложбинку, чуть выше кадыка.

Митрич внезапно расслабился:

– Ладушки, пацаны, все в порядке. – Он небрежно швырнул бритву перед ногами. – Мы немножко пошумели, а теперь нам пора.

Сидящий подле девушки мужчина хохотнул. В следующее мгновение громкий хлопок и его болезненный вопль слились воедино: здоровяка в ковбойке отбросило к стене, на груди у него красным маком расцветало бесформенное пятно, которое быстро увеличивалось в размерах. На его лице появилась жалкая улыбка, на смену которой быстро пришла болезненная гримаса, нож выпал из руки.

Митрич повернулся к Олегу, сжимая в руке пистолет:

– Убери эту палку, или ваш лизоблюд Витек будет соскребать твои мозги со стенки.

На полу, издав тихий стон, зашевелился Ярик.

Олег, бледнея, медленно убрал кий, руки его сотрясала мелкая дрожь:

– Спокойно, парень. Видишь, я не трогаю его.

Митрич ослабил:

– Конечно, вижу. Ты молодец, Олежек, послушный мальчик.

Толстуха продолжала вопить, и Митрич сердито рявкнул бармену:

– Заткни пасть своей корове и отойди от шкафа! Ты тоже отойди от него, – обратился он к Олегу. При этом он не сводил с него пистолета. Великан затравленно смотрел на маленькое черное дуло, как кролик на удава, напрочь забыв про свою рассеченную руку. Никогда еще в жизни ему не было так страшно.

– Послушай, – начал он, с трудом ворочая языком. – Послушай, парень, не надо...

– Да ладно тебе, – равнодушно бросил Митрич и выстрелил. Олег нелепо дернулся назад, правая сторона его лица превратилась в кашу из крови и костей. Митрич вполголоса выругался и снова выстрелил. Дальнобойщик медленно осел на пол и затих. Умолкнувшая было толстуха разразилась новыми воплями, при этом к ним примешивались какие-то истерические смешки, так что все вместе звучало как нестройный хор голодных волков.

Ярик пришел в себя и сидел на полу, потирая саднящую челюсть. Перстень Олега рассек ему бровь до кости; он вынул из кармана платок и стал промокать рану.

Закусочная напоминала скотобойню – залитый кровью пол был усеян обломками мебели и разбитой посудой, в воздухе стоял тяжелый смрад пота, дыма, к которому примешивался запах крови. Тишина изредка нарушалась слабым поскуливанием сидящего на стуле толстяка, который с суеверным ужасом разглядывал торчащую из своих гениталий бритву.

Митрич обернулся и увидел бармена. Тому наконец удалось найти то, что он так долго искал – охотничий карабин. Лицо бармена блестело от пота, руки неуверенно обхватили приклад.

– Не дури, – спокойно сказал ему Митрич, подходя к стойке. – Дай сюда, болван. – Он с легкостью вырвал у бармена винтовку. Осмотрел ее.

– Хм... Хорошая штучка. – Он кивнул на батарею бутылок: – Налей мне своего пойла. самого лучшего. Но учти, если оно будет таким же, как пиво, я отстрелю тебе яйца.

Руки Витька тряслись так, словно через него проходил электрический разряд.

– Боже, и вся эта мясорубка из-за какой-то рыжей потаскухи? – чуть слышно пробормотал он, наливая в стакан виски. Ярик, шатаясь, поднялся на ноги. Чувствовал он себя паршиво – голова раскалывалась от боли, бок и скула тоже ныли. Толстуха в грязном переднике куда-то исчезла.

Митрич залпом выпил виски и причмокнул от удовольствия:

– Ничто не может сравниться со стаканчиком хорошего виски. Разве что добрая порция белого порошочка. Тебе повезло, Витек. – Он весело взглянул на бармена и рыгнул.

Ярик нетвердой походкой направился к раненому верзиле и выдернул из него бритву. Толстяк зажал рану руками и стал сползать на пол.

Позади раздался жалобный стон. Девушка пришла в сознание. Митрич вперил в бармена тяжелый взгляд:

– Ключи от твоей колымаги.

Руки бармена тряслись так, словно он просеивал песок через сито.

Митрич сказал:

– И последнее, Витя. Заруби на своем носу – пиво должно быть холодным. Пиво, а не мясо с картошкой. Следуй этому простому правилу, и вскоре станешь богачом.

Щенок долакал лужу и засеменял на улицу.

5

Они ехали уже почти час.

За рулем сидел Ярик – он мог управлять машиной ничуть не хуже брата. Митрич сидел сзади и озабоченно поглядывал на раненый бок – бармен дал ему какие-то тряпки, и Рута (так звали рыжеволосую девушку) довольно ловко перебинтовала его. Он не знал, насколько опасна рана, куда больше его беспокоило, что может начаться заражение. Митрич также взял с собой карабин бармена, немного еды. Между делом он отлучился в сортир, сказав что ему снова приспичило, но, глядя на его горящие глаза, Ярик понял, о чем идет речь. Выйдя из туалета с умиротворенным выражением лица, Митрич оборвал телефонные провода и с угрозой в голосе сказал Витьку, чтобы тот не думал обращаться в ментовку.

Ярик сосредоточился на дороге. У бармена оказалась «пятерка», немного помятая, но в хорошем состоянии.

В самый последний момент Митрич чуть было не забыл про Крейсера и вспомнил, когда они уже загружались в «пятерку». Теперь контейнер с пауком лежал на заднем сиденье. Крейсер время от времени шевелился, приводя в ужас Руту. Ярик взглянул на нее в зеркало заднего вида. Правая щека раздулась и стала лилового цвета, на шее засохшая кровь (нажми здоровяк в ковбойке лезвием дюймов глубже, она осталась бы лежать в закускойной), но это совершенно не портило девушку.

– Как ты оказалась в этой помойке? – спросил Митрич, высунув в окно локоть.

Рута испуганно взглянула на него. Она все еще не могла оправиться от шока, вызванного зрелищем в баре, которое предстало ее глазам после того, как она пришла в себя.

– Надеюсь, ты прекрасно понимаешь, что теперь тебе придется какое-то время побыть с нами, – продолжал Митрич. – И помни, что, если бы не мой дебильный братец, которому приспичило поиграть в рыцаря, ты бы сейчас лежала с раздвинутыми ногами в сортире, а к тебе выстроилась бы очередь этих обезьян в комбинезонах.

Ярик метнул в Митрича испепеляющий взгляд.

– Так что, дорогуша, уж поскольку мы все одинаково вымазаны дерьмом, выкладывай, кто ты, откуда, куда направляешься и все такое прочее.

Рута кашлянула.

– Собственно, рассказ у меня будет недлинным, – произнесла она. У нее был очаровательный грудной голос с легкой хрипотцой. – Я из Литвы, в десять лет перебралась с родителями в Россию. Когда умер отец, мать стала жить с каким-то сумасшедшим выродком. Оба проводили время за бутылкой. Она пила вместе с этим ублюдком, а в перерывах он отработывал на мне удары и пинки, после чего они вновь садились за стол и снова пили. Все бы ничего, но однажды он распустил руки. Он был пьян. – Голос девушки стал тише. – Я ничего не могла поделать – он вдвое больше меня весом. Правда, он долго не мог справиться со своей вялой штукой, так как от постоянных попоек она, как говаривала моя мамаша, превратилась в переваренную макаронину.

Рута замолчала.

– И что? – нетерпеливо спросил Митрич, ерзая на сиденье. Задев раненый бок, он скрипел.

– А ничего. – Рута вдруг хищно улыбнулась, из-под алых губ влажно блеснули зубки. – Когда он уснул, я сходила на кухню, взяла самый большой тесак и отрезала ему член. Ума не приложу, как эта мысль не приходила мне в голову раньше.

Ярик с Митричем переглянулись.

– Ярик, следи за дорогой. – Митрич рассмеялся. – Черт, здорово! Значит, мы волки из одной стаи.

– Выходит, так, – краем рта улынулась Рута. – Теперь я в бегах.

– Он остался жить? – поинтересовался Ярик, вглядываясь вперед.

– Не знаю. – Голос девушки был лишен каких-либо эмоций.

Некоторое время они ехали молча, затем Митрич вновь подал голос:

– А парень у тебя есть? Или его ты тоже евнухом сделала?

– По-моему, у каждой девушки должен быть парень, как и у парня – девушка, – осторожно ответила Рута.

– Позволь не согласиться с тобой. Во-первых, вот, например, у моего братца была постоянная девушка, а он так ни разу с ней не трахнулся. Зато он трахнул дочку начальника ментовки. Но это не важно. А во-вторых, я не спрашиваю тебя о том, как должно быть по-твоему. Я спрашиваю, есть ли у тебя парень?

– Я что-то не пойму, тебя интересует, трахалась я с кем-то еще, кроме своего отчима?

– Ты долго соображаешь, детка...

– Митрич, заткнись! – Ярик чувствовал, как его щеки запылали от стыда.

– Ты рули, Ярик, рули... Ну, так что, Рута?

Ярик повернулся к Митричу:

– Оставь ее в покое. Слышишь?

– Ярик, что ты кипятишься? Тебе что, под венец с ней идти? Не мешай мне, лучше следи за дорогой, – с этими словами он наклонился к девушке и накрыл ее колено рукой.

– Убери, – голос девушки сразу стал бесцветным, однако выражение лица оставалось прежним.

– А что будет, если я не уберу? Если я подниму руку чуть выше?

Ярик покрылся холодным потом.

– Митрич, угомонись! Нашел время!

– Закрой пасть! – вдруг рявкнул Митрич. – Она, в отличие от тебя, не целка! Или ты думаешь, она собиралась после бара поехать с этими дерьмовозами в ближайшую библиотеку?!

Ярик стал притормаживать.

– Митрич, сядь на переднее сиденье, – сказал Ярик, и эта фраза прозвучала почти как приказ. Митрич не ответил, продолжая гладить ногу девушки.

– Я в последний раз предупреждаю, убери свою лапу, – спокойно сказала Рута.

– Тебе нравится мой брат? Ты еще не поняла, что мы близнецы? Так что тебе должно быть без раз...

Голос Митрича прервался на полуслове, и Ярику в зеркало заднего вида было видно, как Рута неожиданно сделала рукой какое-то движение. Он не верил своим глазам – ее рука, ее тоненькая, красивая рука держала бритву Митрича, и эта бритва своим острием упиралась в шею его брата!

– Если ты сейчас не уберешь свою граблю, я зарежу тебя, – тихо и отдельно сказала она. Лицо ее оставалось невозмутимым, но глаза сверкали от ярости.

Митрич, не отрывая глаз от девушки, медленно убрал руку. От него не ускользнуло, что рука дрожит, но причина этой дрожи не в его пагубном пристрастии к белому порошку, что бывало очень часто. Он испугался! Впервые в жизни ему было страшно, даже там, в закускойной, когда он дрался один против троих, его не охватывал этот всепоглощающий страх.

– Я... ты должна быть благодарна, мы... спасли тебя, – выдавил он. Лоб покрылся крупными каплями пота, его всего трясло. – Послушай, какого черта, это моя «мойка», как ты посмела украсть ее у меня?..

– Отвечаю по порядку. – Девушка жестко улынулась. – Я не просила вас меня спасти – раз. Кроме того, это твой брат принял решение забрать меня от тех ублюдков, а не ты. Ты

же сказал... Позволь, сейчас вспомню... «Думаешь, я буду горевать из-за ее смерти?» Или я ошибаюсь?

Митрич побледнел и облизал губы.

– Это два. А спереть твою «мойку» не составило большого труда, ты так обдолбался, что с тебя можно было снять трусы и надеть тебе же на голову, и ты бы этого не заметил. И третье. Тебе мало кайфа от своего шмыгалова? Совет на будущее – лучше дрочи, а ко мне не лезь.

Ярик сидел, как каменное изваяние. Он не мог поверить, что эта хрупкая девушка вот так спокойно приставила бритву к горлу его брата, его сумасшедшего брата, который в любой другой ситуации порвал бы в клочья любого, кто только осмелится сказать хоть одно слово из тех, которые только что произнесла она.

– Рута, пожалуйста, убери бритву, – мягко промолвил он.

– Пусть пообещает, что никогда больше не прикаснется ко мне. – Она перевела взгляд на Ярика.

– Он не дотронется до тебя.

– Я хочу, чтобы он сам это сказал. – Ее голос снова стал безжизненным.

– Митрич?

Митрич исподлобья взглянул на брата. Он уже пришел в себя, но все еще тяжело дышал, словно раздувшаяся кобра.

– Прости, я больше не дотронусь до тебя. Я думал, что ты шлюха, – нехотя сказал он.

Рута убрала бритву. Она сложила ее и протянула Митричу, лучезарно улыбнувшись при этом.

Ярик тоже не мог удержаться от улыбки. Да, старина Митрич уже не тот, что был раньше.

Митрич нахмурился.

– Какого черта ты стоишь? – накинулся он на Ярика, убирая бритву в карман. Ярик ухмыльнулся и завел мотор.

Митрича всего трясло от злости, словно у него снова началась ломка. У этой чертовки оказались на редкость проворные руки, поэтому нужно быть начеку. Но этого Митрич никогда ей не простит, черт возьми. Никто приставивший к его горлу лезвие не оставался потом живым, и эта гребаная сучка не будет исключением. «Лучше дрочи». Ну хорошо, она еще узнает, на кого осмелилась твякнуть, шавка облезлая!

Рута смотрела в окно, будто ничего не случилось. Процесс вынашивания Митричем планов мести внезапно прервал Ярик.

– Впереди у обочины белая машина. Митрич, она очень смахивает на ментовскую, – произнес он.

Все замолчали. Вскоре стало видно всем, что машина действительно милицейская.

– Не останавливайся, – процедил Митрич.

Ярик чувствовал, как заколотилось сердце. До машины оставалось не больше сотни метров, и он уже ясно видел, как у заднего колеса возится здоровенный патрульный. Увидев «пятерку», он выпрямился и упер руки в бока, следя за приближением автомобиля.

– Документы на машину у тебя? – пытаясь унять дрожь, спросил Ярик.

Митрич хмыкнул:

– Братец, да ты, я вижу, окончательно сдурел. Посмотри на себя. А кроме того, у тебя все равно нет прав, как и у меня, – добавил он.

Милиционер энергично махнул рукой, приказывая им остановиться.

– Ну все, это конец, – севшим голосом произнес Ярик. – Что делать?

Митрич наклонился и ударил брата по спине:

– Идиот, нам все равно терять нечего! Не останавливайся!

Ярик выругался вполголоса. Мент был уже рядом, и он внимательно смотрел прямо на них. Нога машинально нажала на педаль тормоза, и «пятерка» остановилась.

– И дал же мне Господь такого брата, – пробормотал Митрич. – Ладно, спокойно. Ты глухонемой, она – он ткнул пальцем в Руту, – моя невеста...

– Это почему твоя? – недовольно спросил Ярик. Милиционер не спеша приближался к ним.

– Ярик, заткнись и слушай. Она моя невеста, мы едем в Красноярск, машина твоего брата, как там этого хрена зовут?

– Витек.

– Во-во, Виктор. По дороге в закуской на нас напали, порезали мне бок. Наши документы похитили вместе с деньгами... Сейчас мы едем в больницу. По крайней мере, это не ДПС, права проверить, может, и не станет...

– Черт, бред какой-то! – в сердцах бросил Ярик. – Он поедет на заправку, и Витек ему все выложит!

– У тебя есть история получше? Тогда заткнись!

Ярик стиснул зубы, про себя проклиная все на свете. На Митрича у ментов был отличный компромат, который заметно пополнился с тех недавних пор, как тот стал заниматься наркотой. Пару раз засветился и Ярик, и теперь он с отчаянием понял, что назад пути нет. Достаточно этому менту навести кое-какие справки, и им кранты.

Милиционер подошел вплотную к машине:

– Куда так спешим, ребята?

Ярик застыл на месте, продолжая стискивать руль. Мент остановился напротив его окна, и в глаза Ярику сразу бросился пистолет в кобуре.

– Это мой двоюродный брат, он глухонемой, – раздался сзади голос Митрича, и Ярик чуть не подскочил от неожиданности.

Мент улыбнулся краем рта:

– Я разве спросил, кто из вас кто? Пока я лишь спросил, куда вы направляетесь.

Ярик глубоко вздохнул, заставив себя смотреть прямо перед собой. Он не мог понять почему, но вид этого спокойного (на первый взгляд) милиционера очень пугал его. Он смотрел на него и испытывал те же чувства, если бы смотрел на заряженный капкан в праздничной упаковке с разноцветными ленточками.

– Конечно, мы собирались в Осипово, – голос Митрича прозвучал немного резче, чем того требовалось.

«Твою мать, что он несет? – изумленно подумал Ярик. – Какое, в задницу, Осипово?!»

– Осипово? – задумчиво протянул мент. – Вы едете не в том направлении. Дальше дорога раздваивается – одна идет на Красноярск, а вторая проселочная, пролегает через заповедный лес «Изумруд». А за «Изумрудом» вообще начинается сплошная тайга.

– Да что вы говорите? – воскликнул Митрич, на мгновение замявшись; очевидно, он и сам понял свою оплошность. – Значит, нам неправильно показали дорогу. Вот невезение! – Он театрально ахнул, и Ярик, несмотря на охвативший его испуг, с трудом сдержал смех. Парадокс заключался в том, что мент, словно подыгрывая Митричу, тут же изобразил на лице неподдельное огорчение:

– Ага, это так. На дорогах встречается столько врунов! Документы у вас хоть какие-то есть?

Пока Митрич самозабвенно врал об их фантастических приключениях, мент не сводил тяжелого взгляда с Ярика.

– Значит, ты глухонемой? – прервал он Митрича. Первой реакцией Ярика было кивнуть, однако он вовремя спохватился. Он продолжал молча сидеть, безучастно наблюдая за

пустой дорогой. Милиционер легонько дотронулся до его плеча. Ярик поднял голову, изображая на лице недоумение.

Губы милиционера зашевелились, и он вдруг быстро произвел в воздухе несколько жестов. С нарастающим страхом Ярик понял, что мент пытается объясниться на языке глухонемых.

«Черт бы подрал этого Митрича! – ожесточенно думал он. – И зачем было придумывать этот трюк с глухотой?»

– Он меня не понимает! – с неприкрытым огорчением сказал мент, но Ярик отлично видел, как смеялись его глаза.

«Ну, не сиди сиднем, делай же что-нибудь!» – приказал он сам себе и, не придумав ничего другого, выдавил из себя жалкую улыбку.

– Видите ли, Антон стал глухонемым совсем недавно и не успел обучиться их языку. На его глазах погибла любимая девушка – ее сбила машина. Теперь... – Митрич не успел закончить.

– Ты читаешь по губам? – медленно, с расстановкой произнес милиционер.

Мент приблизил к Ярику свое лицо, и парень с отчаянием понял, что не в силах играть дальше. Нет, такому парню, как этот легавый, просто невозможно врать. Темно-синие глаза, как лесные озера, казалось, заполонили все лицо милиционера. Ярик издал свистящий звук и, показав на свой рот, отрицательно замотал головой. Милиционер знаком показал, чтобы Ярик вышел из машины.

«Ну вот и все, – отрешенно подумал Ярик. – Покатались!»

Он медленно вышел из машины. Ветер сразу бросил в лицо горсть песчинок. Ярик поморщился. Сейчас будет обыскивать. Хлопнула дверь. Значит, Митрич с Рутой тоже вышли.

Мент в упор рассматривал Ярика. Возникла неловкая пауза. В конце концов милиционер прочистил горло и ненавязчиво обратился к Митричу:

– Ответь мне на такой вопрос. Твой брат – не двоюродный, а родной, так как только слепой не увидит, что вы близнецы, – все время ходит с расстегнутой ширинкой? Или он вздумал подрочить по дороге? В таком случае я восхищаюсь его умением водить автомобиль – управлять машиной и одновременно онанировать великое искусство.

Ярик машинально опустил взгляд вниз, на джинсы. Эта чертова «молния» на джинсах очень часто расходилась, и ему приходилось постоянно ее подтягивать. Он понял свою ошибку слишком поздно. Убедившись, что с его ширинкой все в полном порядке, он в недоумении поднял глаза и увидел перед собой ухмыляющееся лицо милиционера.

– Так-так. Прорезался слух? – негромко произнес он, и в голосе его зазвучали металлические нотки. – Отойди от машины и держи свои руки так, чтобы я их хорошо видел. Теперь ты, герой, – он вперила острый взгляд в Митрича. – Выворачивай карманы, только очень медленно.

Мент сделал шаг назад и внимательно следил за братьями. Рута стояла по другую сторону машины и, закусив губу, со страхом смотрела на происходящее. Ярик облилизал пересохшие губы. Тем временем мент расстегнул кобуру и извлек пистолет. Солнечный луч тускло сверкнул на гладкой черной стали.

– Бензokolонку в Дмитровке вы почистили? Молчите? А как дела с травкой обстоят? Или предпочитаете что-нибудь покрепче? – Он перевел взгляд на Ярика. Тот, словно загипнотизированный, застыл на месте. Ему стоило невероятного труда выдержать взгляд мента.

– Теперь оглох ты? – Милиционер выжидательно смотрел на Митрича, держа пистолет у самого пояса, однако не направляя его ни на кого конкретно. – Я сказал тебе вывернуть карманы.

«Успеет ли Митрич воспользоваться „пушкой“?» – мелькнуло у Ярика. От него не ускользнуло, что глаза брата снова загорелись и в них появился какой-то болезненный блеск, дыхание стало прерывистым. Это означало только одно – ему вновь нужна была доза.

– Ну?! – повысил голос мент и слегка приподнял пистолет. Митрич издал нервный смехок, больше напоминающий звук падающего куска грязи в лужу, и вытащил из кармана пистолет.

– Брось его возле своих ног, – сказал милиционер.

Митрич продолжал улыбаться улыбкой идиота, держа пистолет большим и указательным пальцем за рукоятку, как какую-то грязную тряпку, при этом его остальные пальцы были по-женски забавно отставлены в сторону.

Хлоп! Пистолет упал на землю, дуло наполовину зарылось в пыль, пистолет словно обиженно укорял: «Зачем ты бросил меня? Ведь я не раз спасал тебе жизнь, а ты меня бросил...»

– Ты! – мент махнул оружием в сторону Руты. – Подойди сюда. Ты тоже, – он обратился к Ярику. – Вытряхивайте свои карманы.

Мимо пронеслась ярко-желтая «Нива». Ярик с завистью проводил глазами удаляющуюся машину, втайне мечтая в настоящий момент оказаться внутри ее салона. Рута обошла машину и встала рядом с Митричем. Милиционер заметно успокоился.

– Теперь сделай три шага назад. И без резких движений.

К этому времени Ярик и Рута почти полностью опорожнили карманы. Почти, потому что в правом переднем кармане Ярика все еще покоилась сложенная опасная бритва.

– А теперь повернитесь-ка ко мне...

– Вы правы, – вдруг раздался тихий, почти мурлыкающий голос Митрича. Он умиротворенно смотрел на мента каким-то сонным взглядом и, очевидно, совсем не обращал внимания на направленный на него пистолет. – Мы предпочитаем кое-что покрепче.

Воцарилась гнетущая тишина. Митрич держал в руках белую пластиковую коробочку. Лениво вертя ее в разные стороны, он с интересом разглядывал милиционера. Ветер усилился, на небе появились тучи.

– Положи ее на землю, – бесцветным голосом произнес милиционер. Чуть прищурившись, он теперь внимательно следил за всеми троими. Только еле заметное движение указательного пальца, плавно опустившегося на спусковой крючок, выдало его волнение.

– Угадайте, что у меня в этой коробочке? – тихо прозвучал голос Митрича.

6

Толстуха вопила. Она не просто вопила, она орала, причем орала так, словно участвовала в конкурсе «Кто перекричит самолет?» и имела реальные шансы стать победителем. Виктор чувствовал, как от ее пронзительного визга его ушные раковины набухают жаром.

– Ирка, заткнись! – злобно прошипел он, но в его голосе было больше испуга, чем злости. Он подошел к кричащей женщине и с размаху залепил ей пощечину. На секунду его жена замолчала, недоуменно хлопая глазами, затем разразилась новой серией воплей.

– Закрой свою пасть, дура! – Виктор снова ударил ее, на этот раз разбив в кровь губы жены. – Убирайся наверх!

Когда женщина, подвывая, как сирена, наконец удалилась на второй этаж, Виктор налил себе водки. Залпом выпив, он оглядел помещение закуской.

Поведение тех двоих молодых ублюдков не укладывалось ни в какие рамки. Пришли в бар, сходили по очереди в сортир (где, скорее всего, нанюхались какой-нибудь дряни!), сожрали по порции картошки с мясом, выпили пива, а потом устроили мясорубку, искромсав бритвами его постоянных клиентов, учинили пальбу и убрались восвояси на его (!) тачке, прихватив с собой его любимый карабин и какую-то шлюху, собственно из-за которой и разгорелся весь сыр-бор!..

«Может, им не понравилось мясо?» – подумал Виктор и нервно хихикнул. Он налил себе еще водки.

«Пиво должно быть холодным. Пиво, а не мясо с картошкой», – вспомнил он слова бритоголового.

«Пошел ты к такой-то матери, педик гребаный!» – подумал Виктор.

Да, что и говорить, он знал, что приготовленное Ирккой мясо напоминает по внешнему виду (да и по вкусу тоже) подметку от старого башмака, а пиво похоже на козлиную мочу, но он и не брал много за эту еду. Впрочем, его клиенты никогда не жаловались на качество... Он снова выпил.

Эти двое оборвали телефонный провод, однако сумасшедшему бритоголовому этого показалось мало, и он разбил вдребезги сам аппарат. Черт бы их подрал!

Нужно что-то предпринять. В его в заведении гора трупов, у него угнали автомобиль, оставив, правда, взамен, пыльный «Опель», который наверняка краденый. Телефона нет, нужно ехать в город. Нужно, но...

У Виктора вдруг вспотели ладони. Телефон не работает, и менты будут здесь не скоро. Врачи тут тоже не нужны – все дальнбойщики наверняка мертвы. Кирилл, которого длинноволосый пырнул в яйца бритвой, затих последним. Он стонал, что-то бормотал, но Виктор так и не решился приблизиться к нему. Он в третий раз наполнил стакан и, выдохнув воздух, проглотил обжигающую жидкость. Глаза его заслезились.

У них ведь наверняка куча денег. Несмотря на то что вся эта компания одета как бомжи, Виктору было известно, что бабки у них водятся. Перед тем как принести им пиво, от его цепкого взгляда не ускользнуло, что бумажник у Олега был весьма внушительных размеров.

Все равно они мертвы. А мертвецам, как известно, деньги ни к чему. Виктор усмехнулся, обнажив гнилые зубы. По большому счету, скажет он потом оперативникам, деньги забрали эти два обкурившихся отморозка, а он, Виктор Донин, хозяин скромной закуской, лежал в это время без сознания под стойкой. Ха-ха!

Водка очень скоро дала о себе знать. Спотыкаясь, Виктор вышел из-за стойки и подошел к трупам. Ему необходимо было выпить, иначе он никогда бы в жизни не решился приблизиться к мертвецам. В воздухе стоял тяжелый запах, но бармен с удовольствием вды-

хал его. Так, Олег. Опустившись на колени, Виктор, пыхтя и ругаясь вполголоса, принялся обшаривать карманы великана. Вот он! Бумажник!

Стоя на коленях, бармен, побрякивая от возбуждения, пересчитал деньги. Двенадцать тысяч!

Не вставая с коленей, мужчина пополз к следующему, Борису, которому сумасшедший бритоголовый располосовал горло. У него оказалось чуть меньше – семь тысяч, но взгляд Виктора упал на перстень и часы мужчины. Идите сюда, мои сладкие! Перстень упрямылся и никак не желал покидать своего привычного места, но это не смутило бармена. Он слегка надрезал перочинным ножом кожу вокруг пальца, давая крови вытечь на перстень. После этого перстень с легкостью соскользнул с пальца, как прозрачный пеньюар с тела невесты в брачную ночь.

У третьего, Игоря, которому наркоман отрезал ухо, а затем всадил пулю в грудь, четыре штуки и какая-то мелочь. Бумажные купюры он засунул в задний карман брюк, мелочь же раскидал веером по бару, чтобы ментам были видны последствия ограбления.

Колени насквозь промокли от пива и крови, но Виктор едва ли придавал этому значение. Слишком много чести каждый раз вставать и снова опускаться!

Оставался последний, Кирюша. По мнению Виктора, ему повезло меньше других – сначала ему зарядили ногой в живот, после чего сделали обрезание, при этом слегка перестаравшись. Мужчина неподвижно лежал в огромной луже крови, напоминая только что убитого слона, и Виктор поразился, как много крови может быть в одном человеке.

Бумажник Кирилла был толстым. Таким же толстым, как и он сам, ха! Однако Виктор с разочарованием обнаружил, что ничего ценного в нем не было – только куча всяких абсолютно никому не нужных бумажек – просроченные счета, гарантийные талоны, корешки от квитанций... Денег было немного – рублей семьсот. Бармен скорчил недовольную физиономию. Может, он проигрался в карты своим друзьям? В одном из карманов он наткнулся на потертую фотографию. На ней был изображен Кирилл в молодости, рядом с ним, доверчиво прижавшись, стояла стройная девушка с темными волосами. Виктор скривил в презрительной ухмылке губы и швырнул снимок в лужу крови.

Итого... Его мозг заработал, словно прочихавшийся двигатель. Почти двадцать четыре штуки, плюс перстень с часами... Он продолжал беззвучно шевелить губами, как неожиданно почувствовал, как кто-то схватил его за руку. Виктор похолодел, на голове зашевелились жалкие остатки волос. Он медленно опустил голову вниз.

Его запястье обхватывала рука Кирилла. Виктор издал звук спускаемого колеса и попытался осторожно освободиться. Кирилл застонал.

– Эй... Эй, Кирюша. – У Виктора пересохло в горле. – Все в порядке. Я... я просто хочу тебе помочь... – Он дернул руку сильнее, но мужчина не отпускал. Кирилл приподнял голову.

– Витя... – прохрипел он. – Прошу, помоги...

– Э-э-э... Кирилл, тебя ранили...

– Я знаю это без тебя, твою мать! – Дальнобойщик попытался повернуться на бок. – Черт, как больно! – выдавил он, всхлипнув.

Виктор незаметно спрятал бумажник за ремень брюк.

– Посмотри, что там у меня... – Кирилл, неловко ворочаясь, принялся расстегивать комбинезон. Бармен с отвращением наблюдал за этим. Мужчина снова всхлипнул и сказал:

– Почему так темно, Витек? Ты что, выключил свет?

– Нет, – начиная раздражаться, ответил бармен.

Кириллу наконец удалось справиться с пуговицами, и он просипел:

– Посмотри... Пожалуйста, посмотри, насколько там все хреново.

Виктор осторожно приспустил мокрую от крови штанину, и отвращение на его лице быстро сменилось ужасом. Острое лезвие бритвы почти надвое рассекло пенис, словно вареную сосиску, глубоко проникнув в опоясанный жирными складками живот.

«Если этот парень и будет жить, то всю оставшуюся жизнь он будет мочиться через пластиковую трубку, не говоря уже о том, чтобы развлекаться с девочками», – промелькнула у Виктора мысль.

– Ничего страшного. – Он изо всех сил старался, чтобы его голос звучал уверенно. – Небольшая царапина, просто много крови.

– Царапина? – слабо отозвался Кирилл. – Я чувствую, как у меня там все горит огнем...

– Кирюша, дружище, – голос бармена понемногу выравнивался. – Эти подонки оборвали телефон, угнали мою тачку. Я, конечно, могу попробовать перевязать тебя...

– У нас... там, в фуре... мобильный телефон Игоря... Вызови врача... – задыхаясь, перебил его дальнбойщик.

Виктор поднялся на ноги. Он не заметил, как кошелек Кирилла вывалился из-за ремня на пол.

– Ладно, попробую. Где ключи от машины?

– Они лежали на столе... – Голос раненого слабел с каждой секундой.

Виктор быстро нашел ключи.

– Все будет в порядке. Ты только...

– Витя? Что ты делаешь? – раздался дрожащий голос Ирины.

Бармен с ненавистью посмотрел наверх. Если бы взглядом можно было убить, то голова его супруги тут же взорвалась бы подобно зажженной тротиловой шашке.

– Пошла прочь! – заорал он. – Ты что, не видишь, что я занят?!

Женщина быстро исчезла. Виктор направился к выходу. Если бы он обернулся, то увидел, что взгляд дальнбойщика упал сначала на упавший бумажник, затем на фотографию. Она уже была почти наполовину залита кровью. Тем не менее раненый мужчина все равно узнал ее.

Милая, любимая Дашка... Она казалось ему такой ненастоящей, далекой! Из уголка глаза Кирилла выкатилась слеза. Затем лицо исказилось яростью. Витек! Сучий выродок! Как он посмел?! Стиснув зубы, он, кряхтя от напряжения и нечеловеческой боли, дотянулся до фотографии и притянул ее к себе. Глубоко вздохнув, он, скрежеща зубами, пополз к Игорю. Точнее, к большому охотничьему ножу, который валялся рядом с его трупом. Ему всегда хотелось иметь подобный нож, и Игорь как-то обещал достать Кириллу такой же. Перед глазами все расплывалось, будто он находился под водой, краски сгущались, но он упорно полз вперед, оставляя за собой широкий красный след. Он чувствовал, что умирает, но чувствовал, что во что бы то ни стало он должен успеть сделать еще одно очень важное дело.

Виктор вышел наружу, дрожа от страха. Что теперь делать? Пропади все пропадом, но он был уверен, что все мертвы. Оставлять все в таком виде крайне опасно... Он сразу нашел телефон. Кроме того, он захватил с собой монтировку. Хорошая, тяжелая монтировочка. Очень универсальная штучка. Приятная тяжесть холодного металла немного его успокоила. С ней Виктор чувствовал себя уверенней. Единственное, чего не хватает, – это еще пропустить рюмашку.

Погода начала портиться. Тучи на западе темнели прямо на глазах, сгущаясь и разрастаясь, подобно расплывающимся чернильным кляксам. На обратном пути ему под ноги попался тощий щенок. Весело тьякнув, он попытался потереться о ногу бармена, но тот, пробурчав ругательство, пинком отбросил его в сторону.

Виктор вошел в закусную. Его покрасневшие глаза не сразу заметили, что Кирилл нет на прежнем месте, и некоторое время он тупо разглядывал огромную, подсыхающую лужу крови. Вслед за ним зашла облезлая собака. Повизгивая от возбуждения, она подошла к телу Олега и с жадным урчанием принялась слизывать кровь.

Виктор наконец увидел в углу тело Кирилла. Втайне надеясь, что он уже отдал концы, мужчина подошел к телу и легонько пнул его носком стоптанного ботинка.

– Кирюша?.. – позвал он. Монтировку он держал в правой руке. Левая неосознанно потянулась к ремню. Не обнаружив там кошелек, Виктор в растерянности оглянулся.

– Ты вызвал врача, Витек? – донесся до него хриплый голос Кирилла.

– Д-д-а, – ответил тот, напряженно осматривая в пол. Вот он! Лежит в двух шагах.

– Ты что-то потерял, Витя? – еле слышно прошептал Кирилл. Говорить ему становилось все труднее, с каждым словом ему казалось, будто жизнь по капле вытекает из него вместе с кровью.

Виктор поднял бумажник и, отряхнув его от крови, торопливо запихнул поглубже в карман. Так будет надежнее.

– Витек?..

– Ну что? – злясь, обернулся бармен. Его начинала бесить эта упрямая гора мяса, почему-то не желающая умирать. С минуты на минуту здесь могли появиться менты (наверняка выстрелы кто-то слышал из проезжающих мимо машин!), и тогда у него начнутся проблемы. Пора с этим заканчивать.

– Мне нужно кое-что сказать тебе...

– Ну? – Виктор подошел вплотную к Кириллу, крепко сжимая в руках монтировку.

– У нас с Игорем... В фуре... Пятнадцать штук зелени...

– Что? – У Виктора перехватило дыхание.

– Помоги мне... И половина твои...

– Где они?! – Бармен схватил Кирилла за шиворот, глаза его алчно засверкали.

Кирилл устало вздохнул.

Лицо Виктора перекопилось от ярости:

– Говори, ты, жирный индюк!

– В фуре... Там... – Голос Кирилла становился все тише, и Виктору пришлось наклониться еще ниже. Их лица почти соприкасались, и Виктор с омерзением почувствовал исходящий от мужчины запах мочи. Еще и обмочился!

– Ну, говори! Говори, черт тебя дери! Где деньги?! – возбужденно закричал Виктор.

Губы Кирилла раздвинулись в улыбке:

– В аду...

В следующее мгновение Виктор почувствовал резкую боль в животе. Что это, колики? Или он на что-то наткнулся?

Глаза Кирилла закрылись, на лице застыла счастливая улыбка. Виктор медленно поднялся на ноги, которые почему-то вдруг стали мягкими и непослушными.

– А-а-ах ты... СУКА!!! – заорал он. Виктор принялся в исступлении лупить Кирилла монтировкой по голове, выкрикивая ругательства, однако он был бы несказанно огорчен, узнав, что стал наносить удары после того, как Кирилл испустил дух. Смятая фотография, выроненная из рук дальноточника, полностью окрасилась кровью.

Перед глазами появились темные расплывчатые круги, в ушах стучало. Во всем теле появилось онемение, живот почему-то стал мокрым. Только сейчас Виктор обратил внимание на большой охотничий нож, который сжимала рука Кирилла.

Черт! Мать твою! МАТЬ ТВОЮ!!!

Значит, этот сукин сын все-таки достал его. Шатаясь, он направился к выходу. Монтировка с грохотом упала на пол. Снаружи уже падали первые капли дождя.

Виктор, спотыкаясь, вышел на крыльцо и упал на колени. Теперь он видел рану. Очень, очень плохая рана. Через нее он даже мог видеть свои внутренности, такие бедные и беззащитные. Будь все проклято.

Сзади слышались всхлипывания Ирины.

Виктор скатился с крыльца, в глазах багровело. Последнее, что он увидел в своей жизни сквозь красный туман, была туча над дорогой, по которой полчаса назад укатили те двое сумасшедших. Она была намного темнее других туч, почти черная, как сажа, и по форме напоминала гигантскую оскаленную пасть волка.

Загрохотал гром.

7

Митрич продолжал улыбаться, вертя в руках коробочку. Ярику была знакома эта улыбка – Митрич всегда так улыбался, когда ему в голову приходила очередная безумная идея. И эта улыбка не предвещала ничего хорошего.

Ветер усилился. Он яростно трепал длинные волосы Ярика и Руты, словно пытаясь сорвать их вместе со скальпом.

– Угадайте, и вы получите приз, – в голосе Митрича засквозил холод.

– Я больше повторять не буду. Будь паинькой и положи эту штуку на землю, – сказал милиционер. Правой рукой он держал пистолет, левая потянулась к рации. – Или я прострелю тебе ногу.

Он вытащил рацию и нажал на какую-то кнопку. Послышался едва различимый треск. Небо почти полностью заволочло серой пеленой, стало прохладно.

– Седьмой, я – Третий. Седьмой? – осведомился милиционер у рации, не сводя тяжелого взгляда с Митрича, который все так же многозначительно улыбался, – Я на шоссе № 62, в нескольких километрах от развилки в сторону Гриднева, требуется помощь.

Он выключил рацию. Ярик вдруг принял решение.

– Ну? – сказал мент.

Ярик сделал полшага назад. Рута горестно вздохнула. Первые капли дождя упали на горячий песок, пропитывая его влагой. Митрич улыбался.

Неожиданно раздался вопль Ярика. Не переставая кричать, он упал на землю. Руки и ноги его конвульсивно сжимались, рот раскрывался и закрывался в беззвучном крике, словно у раненой рыбы.

– Помогите ему, у него начался приступ! Вы что, не видите?! – испуганно вскрикнула Рута.

Милиционер на мгновение оторвал взгляд от Митрича и направил пистолет в сторону Ярика, недоверчиво смотря, как тот бьется в судорогах.

В этот момент Митрич резко выбросил вперед руки:

– Лови!

Невозмутимое, спокойное лицо милиционера изменилось, уверенность моментально исчезла, уступая место растерянности.

Лежа на земле, Ярик видел, как к нему подкатилась прозрачная пластиковая коробочка. Коробочка с симметрично расположенными отверстиями для доступа кислорода на крышке. Только крышка упала отдельно, потому что Митрич, исхитрившись открыть ее каким-то образом незаметно для мента, швырнул тому в лицо своего паука Крейсера.

Милиционер издал изумленный вопль и тут же выстрелил. Пуля вонзилась в песок в нескольких миллиметрах от лица Ярика.

Следующие события произошли буквально за считанные секунды. Выронив рацию, мент судорожно пытался стряхнуть паука на землю. Когда это ему удалось, Митрич бросился на него, и они покатались по земле.

Ярик быстро вскочил на ноги, поморщившись от боли в боку. Его первой мыслью было броситься к дерущимся. Его мозг неосознанно зафиксировал одну деталь – милиционер продолжал сжимать в руке пистолет. Он не выронил его, когда Митрич кинул ему в лицо Крейсера, не выронил, когда Митрич прыгнул на него. Это говорило об одном – перед ними не новичок.

«Впрочем, – подумал Ярик, лихорадочно выискивая брошенный Митричем пистолет, – профессионал не попался бы на такой трюк...»

...Митрич извивался, как уж, и ругался, изо всех сил стараясь выхватить у милиционера пистолет. Силы было явно не равны. Они прокатились несколько метров, мент быстро пришел в себя. Приподнявшись, он без особого труда оттолкнул тело Митрича и нанес ему короткий удар локтем. Ярик все же нашел пистолет и теперь, взяв его обеими руками, подошел к дерущимся.

«Я не буду ни в кого стрелять, упаси Боже, я ни в коем случае не выстрелю из этой „пушки“», – твердил себе он, снимая пистолет с предохранителя. Руки его предательски дрожали. Все и так зашло слишком далеко. Они с Митричем просто свяжут этого мента, и все дела.

Яростно завывая, Митрич все еще пытался дотянуться до пистолета патрульного. Тому наконец удалось подняться на колени, он тяжело дышал, форменная одежда на боку была разорвана и перепачкана грязью. Следующий удар мента угодил Митричу в солнечное сплетение, лишив его на некоторое время способности дышать. Милиционер поднял пистолет и, сплюнув грязь, приставил дуло к голове Митрича.

– Опусти «пушку», – донесся до него голос. Милиционер поднял глаза и увидел «глухонемого». В его руках был пистолет, ствол которого был направлен прямо в него.

– Слушай сюда. – Мент навел пистолет на Ярика. – Ребята, вы и так наломали кучу дров. Убери, или я убью тебя прямо сейчас.

Краем глаза Ярик видел, как Митрич отполз в сторону и теперь медленно поднимался на ноги. Его шатало, глаза были выпучены, как у раздавленной лягушки, изо рта струилась кровь.

В следующее мгновение воздух разорвал выстрел. Ярик выронил пистолет, кисть обожгло жгучим пламенем. Расширенными от страха и нарастающей боли глазами он смотрел на расплывающееся пятно крови на рубашке чуть ниже локтя, которое быстро увеличивалось.

– Отойди к машине. Руки за голову, – произнес мент.

Из его пистолета все еще струился дым. Милиционер вытер свободной рукой лоб, оставив на нем грязную полосу, которая быстро смылась потоками усилившегося дождя. Он совсем забыл про Митрича, который тем временем бесшумно возник сзади. В его руке что-то блеснуло.

Рута все это время неподвижно стояла у «пятерки». Мокрые волосы налипли на лбу, делая ее совсем юной и беззащитной. Она что-то говорила, беззвучно шевеля губами, и с ужасом смотрела на происходящее.

Митрич взмахнул бритвой. Крик мента, теперь уже полный боли, слился со звуком выстрела. Пуля вдребезги разнесла заднее боковое стекло на «пятерке». Милиционер опустился на колени, как-то неуклюже свесив голову. Из широкой раны на шее полилась кровь, и он неуклюже пытался зажать ее руками. Митрич, издав торжествующий вопль, вновь взмахнул бритвой.

– Как насчет того, чтобы зачитать нам наши права? – ликуяще рычал он, пританцовывая от возбуждения. – Как насчет наших чертовых, мать их ети, долбанных прав, хотел бы я вас спросить?! Вы проходили это в вашей школе милиции?

– Митрич, остановись! – испуганно бормотал Ярик. Он еще не мог прийти в себя от шока, вызванного острой болью в руке. – Остановись, Митрич, – бормотал он, как заведенный, не понимая, что его брат просто физически не в состоянии его услышать, так как находился довольно далеко от него. А может, он и не хотел слышать его.

Милиционер молча стоял на коленях, зажимая рану на шее, покорно снося новые разрезы, которые секунда за секундой уносили его жизнь. Рута истошно завизжала, обхватив виски руками.

– МИТРИЧ, ПРЕКРАТИ ЭТО, ПРЕКРАТИ!!! – прорвало наконец Ярика. Ковыляя, он подошел к своему брату и схватил его за плечо.

Митрич обернулся, оскалив зубы, и взмахнул бритвой. Раненую руку Ярика второй раз обожгло от боли, но не это поразило молодого человека. Он был потрясен тем, во что превратился его брат. Нет, это не тот Митрич, Дмитрий Шевцов, которого он знал. Безумное, окровавленное существо, которое теперь постепенно превращало мента в сырой фарш, уже не было его братом.

– Уйди, Ярик. Уйди и не мешай. Не видишь, я провожу беседу с нашим служителем закона, поскольку он немного забыл свои обязанности. Так ведь? – процедил Митрич. Он поднял пистолет, выроненный ментом. Ярика затошнило. У него начала кружиться голова, ему уже казалось, что этот кошмар никогда не закончится.

– Митрич, не убивай его. НЕ УБИВАЙ, – по слогам произнес Ярик, с ужасом смотря на стоящего на коленях мужчину, который словно читал молитву.

– Черт, мне нужно... Я... – Митрич убрал пистолет за пояс брюк и торопливо зашарил по карманам. Выудив из одного трясущимися руками шприц, а из другого ампулу, он вихляющей походкой торопливо зашагал к «пятерке».

Ярик осмотрел рану на своей руке. Пуля проделала в ней аккуратную дырку, кость вроде не задета. Бритва Митрича распорала кожу возле большого и указательного пальцев. Ярик покачал головой.

– Куда это он направился? – спросила Рута. Она немного успокоилась, но Ярик все равно чувствовал, что она вся дрожит от страха. – Послушай, нам нужно немедленно умотывать отсюда. Он вызвал подмогу...

– Д-да...

Ярик поежился. Дождь почти прекратился, тучи медленно рассеивались, подобно сигаретному дыму из помещения, где внезапно открыли окно. Ему совершенно не хотелось думать о том, что будет, если вдруг приехавшие менты обнаружат патрульного, а тот будет еще жив и в подробностях опишет их приметы. Да, но если...

– Так мы едем? – раздался голос Митрича. Голос звучал спокойно, размеренно, будто принадлежал не его безумному брату наркоману, а школьному учителю, объясняющему детям урок. Он подобрал Крейсера и бережно убрал его обратно в контейнер.

– Митрич, – начал было Ярик, но тут он увидел нечто такое, отчего почувствовал, как волосы на макушке закручиваются в узел.

Милиционер медленно вставал на ноги. Он был ужасен. Лицо изрезано, кожа на подбородке отслоилась, глаза непонимающе вращались.

– Ы-ы-ы-н-ы-г!.. Ак... – выдавил он. Пальцы, зажимавшие рану на шее, разжались, и кровь с новой силой толчками принялась заливать его форму. Рубашка милиционера намочла уже почти до пояса. Ярик не верил своим глазам, живучесть этого человека поражала и ужасала одновременно.

– Конечно, я с тобой согласен. «Ы-ы-ынг» и «Ак» – вот и все твои аргументы. Не очень-то убедительно для работника правоохранительных органов, должен тебе признаться. И как только таких остолопов берут в ментовку, ума не приложу. – С этими словами Митрич подошел к мужчине и выстрелил ему в голову. Голова милиционера дернулась, и он рухнул на землю.

Рута тихо застонала. Ярик округлившимися глазами смотрел на Митрича, не в силах произнести ни слова.

– Поехали, – безжизненным голосом промолвил Митрич, пряча пистолет за пояс.

8

– Ну и погодка! – пробурчал Евгений. Двадцатичетырехлетний сержант привычным жестом пригладил густые черные волосы. Стройный, высокий, с пронзительными карими глазами и открытой белозубой улыбкой, он заставлял замирать сердца молодых женщин, и он знал об этом. Глядя в его улыбающееся лицо, трудно было поверить, что этот человек работает в милиции.

– Ничего удивительного, я еще утром говорил, что будет гроза, – откликнулся Роман Краев, его напарник. Он представлял собой полную противоположность Евгению – невысокого роста, с широченной грудью и плечами, шея почти отсутствовала. Форменная рубашка настолько тесно облегла его мускулистое тело, что грозила лопнуть по швам при любом резком движении. Мощные кулаки, покрытые жесткими волосками, слегка свернутый налево нос выдавали в нем бывшего боксера. Темно-синие глаза всегда глядели настороженно, словно говоря: «Никому из вас, дорогие мои, я не верю. Будьте добры, ваши документы, выйдите из машины, расставьте пошире ноги, руки за голову и все такое прочее, ну вы понимаете меня, я ведь ничего против вас лично не имею, просто работа у меня такая и тому подобное...»

На западе загромыхал гром. Дождь лил не переставая, быстро превратив светло-серую, почти белую раскаленную придорожную пыль в жидкую грязевую кашу. Ветровое стекло машины превратилось в причудливый калейдоскоп бликов и отражений.

– Закрыл бы окно, зальет, – прогудел крепыш с перебитым носом.

Евгений покачал головой:

– Пусть лучше зальет, чем жариться в этой колымаге.

Он поглядел на часы, и на лице его появилось унылое выражение. Черт, всего два часа дня, а до конца его смены осталось еще более восьми часов!

Барабанная дробь дождевых капель стала постепенно стихать.

– Громов больше не объявлялся? – лениво спросил Роман, и Евгений отрицательно качнул головой.

– Громов парень что надо. Правда, после повышения он начал было немного зазнаваться, но это у него быстро прошло, – сказал он. – Жаль, тебя не было на вчерашнем семинаре.

Роман достал из нагрудного кармана сигару и задумчиво повертел ее между пальцами, словно оценивая, стоит ли она того, чтобы ее выкурили. Заметив это, Евгений наморщил нос, будто его напарник вертел дохлую крысу. Он сказал:

– Послушай, как ты можешь курить эту гадость?

– Отвали, – беззлобно отмахнулся Роман и зажег спичку. – Это лакричные сигары, которые имеют особый пикантный аромат. Мне их брат привез с Кубы.

Евгений хмыкнул:

– Не знаю, что ты нашел в них пикантного, но, на мой взгляд, твои папиросы воняют хуже трусов ассенизатора.

– Так что же там было такое, на этом семинаре? – спросил Роман, решив сменить тему. Он с наслаждением затянулся и выпустил дым, откинувшись на сиденье.

Лицо Евгения расплылось в улыбке:

– Помнишь того придурка, новенького? У него еще фамилия такая звучная – Галимов. Михаил Галимов. Так вот, Громов как раз...

Треск радиации прервал Евгения на полуслове. Роман нажал на кнопку «Вкл.» и приложил указательный палец к губам. Евгений замолчал.

– Седьмой, я – Третий. Седьмой! – слышалось в радиации. – Я на шоссе 62, в нескольких километрах от развилки в сторону Гриднева. Требуется помощь.

Радиация умолкла.

– Опа, – пробурчал Роман, положив радиацию на приборную доску. – Легко на помине. Ну, поехали.

9

Тучи нехотя рассеивались, из мрачно-серых постепенно превращаясь в фиолетовые, а затем и вовсе в перламутрово-синие. Первые лучи солнца осторожно щупали влажную землю, словно пробуя ее на вкус. Так человек, перед тем как окунуться в озеро, пробует воду пальцами ног. По пустынной дороге мчалась темно-синяя «пятерка». За рулем был Ярик. Рута сидела рядом и нервно покусывала губы. Митрич расположился на заднем сиденье.

Мысли Ярика лихорадочно металась в голове, словно запертые в ловушке крысы. Юноша смутно осознавал, что на этот раз они влипли по-настоящему и что самое паршивое – он не видел абсолютно никакого выхода из создавшейся ситуации.

«Наркотики, угон машины, ограбление бензоколонки... Бойня в закускойной, убийство легавого... Продолжать?..» – ехидно напоминал время от времени холодный внутренний голос, и Ярик всеми порами кожи ощущал, как его охватывает паника. Он не переставал думать о том, выжил ли тот толстяк, которому он распорол яйца.

Эх, сейчас бы вернуться на несколько деньков назад, когда Митрич связался с этим мудаком Хохой. Знал бы Ярик, чем обернутся им обоим проделки Митрича с наркотой, он, не задумываясь, накостылял бы своему брату по шее, плевать на его авторитет!

Шок медленно проходил, к Ярику вернулась способность здраво рассуждать. Правда, тупая боль в руке доставляла много хлопот, но раной он займется позже. Проанализировав обстановку, он пришел к неутешительному выводу, что: а) их наверняка уже ищут менты, и если они будут болтаться на этом шоссе, как дерьмо в проруби, то схватить их – всего лишь вопрос времени; б) он и Митрич ранены, и им нужна помощь; в) (самое оригинальное!) ехать им, собственно, некуда. Разве что бросить машину, завернуться в саван и тихо ползти на ближайшее кладбище. И чего им вообще взбрело в голову тащиться в Красноярск?

«Вот такой расклад. Такой, мать его ети, гребаный раскладик, чтоб я сдох!» – лихорадочно думал Ярик, сжимая скользкий от пота и крови руль.

– Куда мы едем? – тихо спросила Рута.

– Пока вперед, – механическим голосом произнес Ярик.

На заднем сиденье завозился Митрич. После того как он расправился с милиционером, он вкатил себе еще одну дозу, и на его лице снова появилось то знакомое Ярику блаженно-идиотское выражение. Некоторое время до Ярика доносилось бессвязное бормотание брата, и лишь спустя некоторое время он понял, что Митрич разговаривает со своим пауком. Вдоволь наговорившись, он откупорил бутылку водки и теперь изредка отхлебывал прямо из горлышка.

Впереди показалась вывеска, гласившая:

Гриднев – 8

Ярик успел обратить внимание, что какой-то юный дизайнер, обладающий незаурядным чувством юмора, зачеркнул струей из баллончика краской ГР, сверху надписав кривыми буквами: ХУ.

– Ну что, капитан? – спросил он Митрича. – Какие планы?

– Чего? – раздался будто плавающий голос Митрича.

– Чего?! Куда едем, Митрич? – Ярик повысил голос.

– Едем? – вновь переспросил Митрич и Ярик с трудом удержался, чтобы не бросить руль и не придушить его.

– Едем, Митрич, едем, черт тебя дери вместе с твоим долбаным героином. Куда нам ехать, можешь ты сказать или нет?!! – заорал он.

Митрич приподнялся на сиденье:

– У нас большой выбор? Или ты предлагаешь вернуться назад? – Голос его звучал почти нормально, и Ярик немного успокоился.

– Нет, конечно. Менты уже ждут нас. И давай завязывай с ширяловым, сейчас не место и тем более не время.

– Ты суешь своей симпатичный нос в дело, которое тебя совершенно не касается, – отозвался Митрич.

– Нет, Митрич, теперь оно касается нас обоих. Или ты думаешь, что я катаюсь с тобой от безделья?! Какого черта?! Шмель с Хохой ничего не имеют против меня, я вообще не знаю, на кой хрен я с тобой нахожусь!

Ярик внезапно поймал себя на мысли, что никогда не позволял себе разговаривать в подобном тоне с братом. Однако ситуация была не та, да и Митрич все еще находился под кайфом, поэтому едва ли придавал значение гневным фразам Ярика. Митрич неожиданно рассмеялся.

– Ярик, а представь себе ситуацию. Предположим – только на секунду – я склеиваю ласты. Остаешься ты. Истекает срок уплаты долга. Думаешь, Шмель поверит тебе, что ты – это ты?

Ярик замер.

– Надеюсь, ты пошутил, Митрич, – процедил он сквозь зубы. – Потому что у меня руки чешутся начистить тебе рыло. Хочешь повесить на меня свой должок? Не выйдет.

Митрич осторожно пощупал нос. Затем цокнул языком:

– Ладно, не кипятись. Этот мусор что-то гнал насчет какого-то «Изумруда». Я думаю, нам нужно туда. Лес – то, что нам нужно на первое время.

– До Гриднева осталось меньше семи километров, а я что-то никакого леса не вижу, – щурясь от яркого солнца, сказал Ярик.

– Ты придумал, что делать с твоей подругой? – вдруг спросил Митрич.

– А что я должен был придумать? – с вызовом спросил Ярик.

– Она будет нам сильно мешать, – произнес Митрич.

Ярик удивленно обернулся:

– Ты о чем?

– О чем я? Действительно, о чем это я. – Ярик услышал, как сзади забулькала бутылка, и сразу вслед за этим – Митрич громко рыгнул.

– А я все о том же, братец мой ненаглядный. Ты так и будешь таскать с собой эту фотомодель?

– А тебе-то что?

Митрич хохотнул.

Ярик мысленно послал его ко всем чертям. До Гриднева осталось совсем ничего, справа уже запестрели маленькие домики.

– Ты понимаешь, что, если мы не избавимся от нее сейчас, тебе придется жить с ней бок о бок до самой смерти? Если ее отпустить, она с потрохами сдаст нас мусорам, – в голосе Митрича сквозила неприкрытая ненависть.

Ярик похолодел. Он поймал на себе хмурый взгляд Руты и через силу улыбнулся, однако его улыбка осталась без ответа. При всем при этом Ярик не мог не отметить, что слова Митрича не лишены здравого смысла. Действительно, если менты прижмут девчонку, она не выдержит серьезной проверки. А уж допрашивать в милиции умеют.

– Я не собираюсь ничего рассказывать им, – тихо сказала Рута, но Митрич не обратил на ее слова никакого внимания.

– Это из-за нее мы теперь сидим в заднице, – невозмутимо продолжал он. – Если хочешь жениться на ней, валяй. Только машина останется у меня.

– Митрич, что ты несешь? – Ярик не верил своим ушам.

– Я несую?! – взорвался Митрич, швыряя бутылку на пол. – Мы не можем ее таскать повсюду, ты что, не понимаешь этого?

– Ясно. Так что ты предлагаешь? Убить ее прямо здесь? Как ты убил мента? – в бешенстве крикнул Ярик.

– Что касается легавого, то его смерть на твоей совести, не хрена было останавливаться. А насчет Руты... Зачем убивать? Можно просто из машины выкинуть...

– Я сейчас тебя вышвырну из машины! – сорвался Ярик.

Митрич на мгновение задохнулся от возмущения, но тут же пришел в себя:

– Ты, я смотрю, Ярик, вконец оборзел!

– Митрич, я не хочу ссориться, но она поедет с нами, – твердым голосом сказал Ярик.

Несколько секунд Митрич переводил злобный взгляд с Руты на Ярика, после чего пожал плечами с таким видом словно хотел сказать: «Ну и болван же мой братец! Не говорите потом, что я вас не предупреждал!»

– Я вижу лес, – встрепнулся Ярик.

Митрич высунулся в окно. Действительно, с левой стороны виднелась зеленевшая полоса деревьев.

– Сворачиваем? – спросил Ярик.

Митрич сказал, что пока не надо. Он напряженно вглядывался вперед, и Ярик проследил за его взглядом. Скоро стало видно, что на обочине маячит фигура человека. Через пару секунд стало ясно, что это девушка.

– Ого-го! – возбужденно произнес Митрич, подавшись вперед, и Ярика обдало запахом пота и перегара. – Ну-ка, тормозни!

Ярика охватило неприятное предчувствие. Девушка стояла не шевелясь.

– Ярик, тупоголовый ты осел, останови машину! – крикнул Митрич. Он ухватил брата за раненое плечо и с силой сжал его. Ярик вскрикнул от боли и чуть не выпустил руль из рук.

– Что ты задумал?! – скрипя зубами от боли, спросил Ярик. Он все же нажал на педаль тормоза, и «пятерка», взметнув облачко пыли, остановилась рядом с девушкой.

Митрич плотоядно ухмыльнулся:

– Я тоже хочу подругу. Чем я хуже своего брата?

С этими словами он изобразил на лице безобразное подобие улыбки и открыл дверь «пятерки».

10

Роман включил мигалку.

– Что там еще случилось? – поинтересовался Евгений.

– Сейчас узнаем, – не отрывая глаз от дороги, ответил Роман. Черты его лица затвердели, глаза сузились.

– Думаешь, он задержал тех ребят, что ограбили автозаправку?

Роман ничего не ответил. Потом сказал:

– Ну продолжай, что там с Галимовым?

– С Галимовым?

– Ты хотел рассказать про вчерашний семинар.

– А, семинар... – Евгений снова расплылся в улыбке, вспомнив тот день. – В общем, суть такова. Громов что-то там говорил, и только человек, не знающий его, мог бы решить, что ему самому интересна та чушь, которую он нес, но только не я. Он толкал какую-то скучную лекцию о гастарбайтерах, соблюдении прав и тому подобное. Все сидят с каменными рожами, разве что не спят, кто-то потихоньку своими делами занимается, в общем, стараются не попасться на глаза Громову. Только этот кадр Галимов не делал тайны из того, что в гробу он видел эту лекцию в придачу с самим Громовым – сидит, рот до ушей, ковыряется в носу, хихикает, как идиот, ну ты понимаешь, что я имею в виду. Громов, конечно, заметил это, и ласково так говорит: «Сержант Галимов, а я вас сейчас неприятно удивлю». Тот все с такой же дебильной улыбкой: «И как это вы меня удивите, товарищ капитан?» Громов на него смотрит как на раздавленного червя и говорит: «Как, как... По яйцам получишь сейчас, вот как». Так что ты думаешь? Этот Галимов слащаво улыбнулся, ну прямо мед из задницы сейчас потечет, и отвечает: «Отнюдь. Рукоприкладство – вещь серьезная и повлечет для вас наложение дисциплинарного взыскания, вплоть до увольнения. Вам, как никому из нас, известно, что подчиненных бить нельзя». Громов ему: «Хе-хе. Умный ты, Галимов, однако. Но это ты так думаешь. Вот смотри. – С этими словами Громов берет чистый лист бумаги и ручку. – Берем листок и пишем. Так. План индивидуальных занятий по рукопашному бою с сержантом Галимовым. Теоретическая часть – 20 минут. Практическая – 2 часа. Руководитель – Громов. Ответственный – он же. Начало – немедленно. – Громов смотрит на Галимова в упор. – Сейчас я отнесу этот план завизировать у Шипова, и начнем. Как ты думаешь, хватит мне два часа, чтобы твоя башка и задница поменялись местами?» Рома, ты бы видел рожу этого Галимова! Готов спорить на свою премию, что ему очень не понравилась идея смены привычных мест жопы и рожи! – Евгений рассмеялся.

– Да уж... И чем все закончилось? – Роман едва ли улыбнулся.

– А ничем. Галимов покраснел, как свекла, и что-то пробормотал типа «прошу-прощения-это-никогда-не-повторится-даю-вам-слово».

Евгений замолчал. Небо уже окончательно расчистилось, тучи быстро рассеивались, уступая место солнечным лучам.

Впереди показалось двухэтажное здание. Евгений с любопытством оглядел его. Придорожное кафе с бензоколонкой. Заправка закрыта. Ничего необычного. «Аншлаг» – самое удачное название для подобной дыры. Только...

– Приормози, – резко сказал он Роману.

Они проехали еще несколько метров и остановились.

– Что-то заметил? – спросил Роман, обернувшись.

– Да, – ровно ответил Евгений. Он очень надеялся, что тот человек, которого он увидел лежащим у входа, окажется просто надравшимся вдрызг пьянчужкой, а не мертвецом.

Они вышли из машины и подошли к телу. Сомнений не было – перед ними труп. Евгений выругался, Роман достал рацию.

– Третий, ответь Седьмому! Третий! – Он безуспешно крутил ручки настройки, пытаясь выйти на связь с Громовым. – Черт!

Евгений внимательно разглядывал труп. Он видел, что мужчину зарезали, руки в последнем усилии зажали рану на животе. Роман подошел вплотную к лежащему телу, наклонился, разглядывая лицо.

– Ба, да это же Витька Донин! Интересно, кому это он насолил? – Голос его звучал на удивление спокойно.

– Ты знаешь его? – Евгений увидел за поясом мертвеца бумажник.

– Это Виктор Донин, хозяин забегаловки. Пару раз он был замешан в нехороших делишках, но доказать его причастность к ним никак не удавалось. Женя, я вызову к тебе бригаду из округа, а сам поеду к Громову. Его рация молчит, мне это очень не нравится. Только осторожнее!

– Угу, – вздохнул Евгений. Роман быстро связался с дежуркой района и сообщил нужные координаты. После этого он сел в машину и рванул дальше, на запад.

Евгений еще раз взглянул на мертвого мужчину и сплюнул. Торчи теперь здесь, как хрен в майонезе. Милиционер задумчиво оглядел дом и решил обследовать его. Молодой человек расстегнул кобуру и поднялся по скрипящим ступенькам. Секунду он прислушивался, пытаясь определить, есть ли кто в доме, после чего вошел внутрь.

После яркого, дневного света он не сразу увидел то, что творилось внутри. А когда глаза его привыкли к полумраку, царившему в баре, он содрогнулся. Похоже, здесь была заварушка, причем заварушка с большой буквы.

Закусочную усеивали трупы, буквально плавающие в крови. Евгений насчитал три тела. Он не успел разглядеть их внимательнее, так как справа послышался шорох и какие-то всасывающие звуки. Пистолет дернулся в руке патрульного, и он инстинктивно повернулся в сторону источника звука. Мгновение он смотрел расширенными зрачками на представшее его взору зрелище, после чего отвернулся и согнулся пополам. Его вырвало. За спиной слышалось веселое тьяканье.

11

– Ты в своем уме? – Ярик ошалело смотрел на брата, но тот его проигнорировал. Он наполовину высунулся из машины и плотоядно уставился на стоявшую у обочины девушку.

– Оп-паньки – шепеляво пробубнил он и неуклюже вылез, почти вывалился из «пятерки». – Привет! – с деланой небрежностью бросил он девушке. Та ничего не ответила и молча разглядывала Митрича.

Ярику удалось разглядеть, что девушка довольно привлекательна. Узкие потертые джинсы, дешевые кроссовки, изрядно покрытые дорожной пылью. На ней ярко-красная майка с изображением забавного медвежонка и легкая джинсовая куртка. За спиной – тощий рюкзак, очевидно сшитый ею самой из обрезков поношенных джинсов, которые она наверняка носила в юности, а потом перестала в них влезать. Усталое лицо с цепким взглядом и красивыми губами, светлые волосы треплет ветер. Вместе с тем Ярик ощутил легкое беспокойство. Разглядывая девушку, он нахмурился, и беспокойство постепенно переросло в страх, причину которого он никак не мог понять. Еще раз внимательно оглядев девушку, он увидел на ее виске ссадину, а на джинсах – темные бордовые капли. Не нужно быть Эркюлем Пуаро, чтобы догадаться, что это за капли, – Ярик до тошноты насмотрелся на них сегодня. Несомненно, это была кровь.

– Детка, ты глухая? Садись. Мы прокатимся с тобой до самых звезд, и я подарю тебе луну. Вся галактика будет у твоих очаровательных ножек, – дурачился тем временем Митрич. Непроницаемое до этого лицо девушки тронула деревянная улыбка.

– Ребята, помогите мне. Я попала в аварию.

Митрич замолчал, пытливо всматриваясь в лицо девушки. Затем он развел руки в стороны, всем видом показывая, какое огорчение принесла ему эта скверная новость. При этом полы его жилетки распахнулись, открыв на обозрение торчащую из-за ремня рукоятку пистолета.

– Я ехала из Разумово, и у моей тачки заклинило рулевую колонку. Она сейчас там, недалеко от развилки. Поцеловалась с тополем. – Она как-то неопределенно хмыкнула, не отрывая при этом глаз от пистолета за поясом Митрича. По лицу пробежала тень (испуг?), которая тут же скрылась, как маленькое облако, прогоняемое свирепым ветром.

– Нет проблем, крошка. – С этими словами Митрич начал суетливо подталкивать девушку к распахнутой двери «пятерки». – Паркуйся в наш лимузин.

В каком-то необъяснимом трансе Ярик наблюдал за происходящим. Подсознательно он отчаянно желал, чтобы их вид, в особенности Митрича с его засунутой за ремень «пушкой», поверг эту девушку в шок, и он даже видел в своем воображении, как она с воплями отшатывается от его сумасшедшего брата и бросается наутек. Однако девушка как ни в чем не бывало подошла к машине, и Митрич услужливо открыл ей дверь. Ярик чертыхнулся.

– Что он делает?! – срывающимся голосом прошептала Рута.

– Вы подбросите меня в Гринев? Похоже, у меня сломано ребро, – сказала девушка, усаживаясь на заднее сиденье.

Митрич захлопнул за ней дверь и, ковыляя, обошел машину с другой стороны. На его лице застыла безумно-дебильная улыбка, улыбка прыщавого подростка, впервые испытавшего оргазм.

– Ну, и чего мы такие пасмурные? Але, Ярик! – Митрич ткнул его в спину. – Заводи эту колымагу, нам пора ехать.

– Куда? – Ярику казалось, что он слышит свой голос со стороны – чужой и неприятный на слух.

– Куда? – переспросил Митрич, дотронувшись до раздутой лилово-синей губы. – Наверное, в цирк. Я буду жонглировать твоими яйцами и орать при этом «От улыбки станет всем светлей». Ярик, не испытывай мое терпение.

Ярик повернул ключ зажигания, и «пятерка», заурчав, тронулась с места.

– Как тебя зовут, девочка? – спросил Митрич после минутного молчания.

– Валя, – коротко ответила девушка.

– Валя, – мечтательно произнес Митрич. – У тебя привлекательное имя, когда его произносишь, кажется, будто тебя гладят шелковыми пальцами... Валюша, хочешь чего-нибудь выпить?

Короткий смешок.

– У тебя большой выбор? И, если уж на то пошло, как зовут тебя?

– Начну с конца. Я Дима, но все друзья зовут меня Митричем. А это – мой брат, его зовут Ярослав, или Ярик. Хе-хе, Ярик-Лошарик... Та хмурая красотка – Рута. Только не смотри так на Ярика, ты не спутаешь нас, хоть мы с ним и близнецы. А отличить нас просто – я умею говорить, а он все время чешется, смердит и пускает слюни...

– Митрич! – раздраженно оборвал его Ярик. Они подъезжали к развилке.

– А что касается выбора горячительных напитков... – не слыша его, шамкал разбитым ртом Митрич, неловко пытаясь приобнять Валю.

Ярик направил машину к лесной дороге.

– Почему мы не поехали прямо? – ровным голосом спросила Валя, но Ярик уловил в нем проскользнувшую напряженность. – Я же сказала, мне нужно в Гриднев.

– Забудь об этом, прелесть, – сказал Митрич. Он с блаженным видом положил свою руку на плечо девушки. Куртка его задралась, и Ярику стало не по себе. Весь левый бок брата был красным от крови, повязка слезла, открыв рану, оставленную «розочкой» в баре. Неужели он ничего не чувствует?

– То есть как это «забудь»? – изумилась Валя. – Мне нужно к врачу. Если надо, я заплачу вам, – дрогнувшим голосом добавила она.

Рута что-то пробормотала насчет того, как не повезло бедняжке.

– Послушайте... Послушай, Дима, скажи своему брату, пусть разворачивается... – Судя по интонациям, Валя была на грани истерики. – Я понимаю, что вы сами попали в переделку, но я буду молчать!

«Пятерка» съехала с автострады на лесную дорогу, и машину затрясло на ухабах. Митрич болезненно вскрикнул и часто задышал:

– Ярик, туда тебя и обратно, сбавь скорость! Из меня опять льет, как из недорезанной свиньи!

Ярик ослабил давление на педаль и вытер пот со лба. Голова раскалывалась от боли, у него наверняка сотрясение мозга. Но больше всего его беспокоила простреленная рука. Сначала боль была острой и даже невыносимой, она беспорядочными толчками распространялась, как паутина, по всей руке. Теперь вспышки утихли, рука тупо ныла, постепенно деревенея. Митрич, черт бы его побрал! Ярик вспомнил бешеное лицо брата, когда он полоснул его бритвой. Если бы вместо его кисти под руку Митрича попала его шея, то сейчас стынущий труп Ярика глодал бы тот облезлый пес.

– Я прошу вас... Черт возьми, я не хочу ехать в этот лес! Останови машину! Как там тебя, Ярослав... Ярик! Останови эту колымагу! – Голос Вали сорвался на крик.

– Спокойней, крошка, не нервничай. Помни простое правило – нервные клетки не восстанавливаются, – прогнусавил Митрич.

– Да пошел ты!..

– Тихо, тихо, Валенька.

Сзади слышалась какая-то возня.

– Убери свои руки от меня, козел. Я буду кричать!
– Кажется, я где-то слышал сегодня эту фразу. Но если ты хочешь кричать, то пожалуйста. Ты думаешь...

– Тихо! – переменялась в лице Рута. – Слышите?!

– Выпустите меня отсюда, или...

– Заткнись! – рявкнула Рута, грозно повернувшись к Вале, глаза ее гневно сверкнули. У нее был такой вид, что Валя сразу умолкла. – Притормози, – негромко сказала она. Ярик послушно остановил машину. Наступила тишина.

– Ты что-то... – начал вполголоса Ярик, но Рута бесцеремонно закрыла ему рот своей горячей ладошкой.

Только теперь он услышал. Они все услышали. Этот звук нельзя было спутать ни с чем другим – нарастающий вой милицейских сирен, заставляющий стынть кровь в жилах. В какой-то самый страшный момент, когда зловещие монотонные завывания машин (сколько их, две, три?) стали громкими до невозможности, Ярик решил, что они свернули с дороги и едут вслед за ними. Его так и подмывало вдавить до упора в пол акселератор и рвануть в спасительный лес, но он понимал, что сейчас необходимо выждать. Сирены стали затихать, и вскоре на дороге воцарилась тишина. Митрич облегченно вздохнул, но Ярик продолжал неподвижно сидеть, обливаясь потом.

Милиция. Их уже ищут.

Эта мысль повергла Ярика в пучину отчаяния. Что их ждет? Не лучше ли выбросить белый флаг и сдаться? Он вдруг почувствовал, что смертельно устал, даже боль куда-то исчезла.

– Они нас не заметили, – словно успокаивая себя, утвердительно сказал Митрич. – Рута, а у тебя классный слух!

– Не жалуясь, – сухо бросила она. Ярик завел машину.

Валя, до этого угрюмо молчавшая, снова подала голос:

– Теперь-то вы можете меня высадить?

Митрич театрально вздохнул и сказал, будто объясняя элементарные вещи несмышленому ребенку:

– Булочка моя, ты так ничего не поняла? Мы теперь одна большая семья.

– Что?! – задохнулась от возмущения девушка, и Митрич залился лающим смехом:

– Ладно, ладно, я пошутил. Составь мне компанию и ни о чем не беспокойся.

Наступила неприятная пауза.

– Глядя на тебя, трудно представить, что ты страдаешь одиночеством, – проговорила Валя. – Так куда мы едем?

– Ты знаешь эти места? – Митрич проигнорировал вопрос девушки. Он снова завозился на сиденье, доставая очередную бутылку, на этот раз виски. – И вообще, что такая кошечка, как ты, делала в этой глуши? – Он остановил на ней свой цепкий, настороженный взгляд.

Валя улыбнулась краем рта:

– Забавный ты парень, Митрич.

– Ты не ответила на мой вопрос.

– На который из них? – Губы девушки снова тронула снисходительная улыбка.

– Чего?

– Ты задал мне два вопроса и говоришь, что я не ответила тебе. Я спрашиваю, на который из них ты хотел бы услышать ответ?

Митрич выглядел озадаченным. Он машинально откупорил бутылку и сделал маленький глоток, озабоченно поглядывая на Валю. Затем перевел взгляд на Ярика.

«Она что, издевается надо мной?!» – Его глаза угрожающе сузились.

– Ярик, включи что-нибудь повеселей. – Он прочистил горло и поморщился. К его удивлению, радио включила Рута, и из динамиков тут же полился какой-то грустный шансон про братков, которых «повязали козлы-мусора».

– На чем мы остановились? – Митрич подвинулся ближе к Вале.

– Ты спросил...

– Я прекрасно знаю, что я спросил, дура безмозглая! – неожиданно завопил Митрич, брызгая слюной, и она вперемешку с теплыми каплями виски попала на затылок Ярика. – Я в последний раз... Ярик, выруби эту херню, у меня от нее пломбы трещат... Крошка, я больше повторять не буду... Ты знаешь эти окрестности?

Поскольку Ярик продолжал безучастно вести машину, Митрич перегнулся и, тяжело дыша перегаром, повернул рычажок переключения радио в другую сторону, настроившись на другую волну. Хриплые вопли неизвестного барда сменило нечто кислотно-дискотечное.

– Смотри что тебя интересует. – Голос Вали слегка задрожал, но в целом, как отметил Ярик, он звучал ровно.

– Что это за лес? Заповедник? И куда ведет эта тропа?

Ярик не успел выровнять машину на очередном ухабе, и ее сильно трянуло. Он чувствовал, как его руки, ноги, да и все тело будто становилось невесомым. Временами подкатывала теплая дрема, и ему стоило огромного труда не погрузиться в этот успокаивающий, спасительный сон. Включенная Митричем музыка раздражала, и он вернул рычажок настройки радио в прежнее положение.

– ...километрах отсюда. С такой скоростью вы будете там, – пауза, девушка наморщила лоб, – часа через четыре. Но я бы не...

– Ярик, я же сказал, меня бесит твоя музыка! – перебил девушку Митрич, в его голосе появились истерические нотки.

– Давайте найдем что-нибудь нейтральное, – ласково предложила Рута. Она изящно, по-кошачьи изогнулась и ловко переключила радио на другую волну. Зазвучала мягкая мелодичная музыка. Автомобиль выехал из подлеска на небольшую полянку. Колес здесь были не такие глубокие, и Ярик прибавил скорость.

– Если навстречу будет кто-то ехать, мы встанем. Дорога слишком узкая, и разъехаться здесь нельзя, – сказал он. – Валя, такая дорога будет все время? – Он посмотрел в зеркало заднего вида на сидевшую позади него девушку.

Она блеснула глазами:

– В общем, да. Не волнуйся, здесь почти никто не ездит.

– Никто? Тогда вернемся к нашим баранам – какого черта ты тут делала? – вновь дал о себе знать Митрич. Он немного успокоился, видимо, подействовало виски. – Ты что, живешь в этой глуши?

– Нет, – ответила Валя. От Ярика не ускользнуло, что в девушке что-то переменялось. Она немного отодвинулась от Митрича и слегка наклонилась вперед, черты ее лица затвердели.

– Ты что, обиделась? Брось, крошка, не бери в голову. Бери в рот, не понравится – выплюнешь... Эта, что ли, твоя тачка?

Среди густых зарослей стали виды очертания автомобиля, и через несколько секунд «пятерка» подъехала к темно-красному «БМВ».

– Ярослав... – еле слышно прозвучал голос за спиной. Ярик вздрогнул. Что-то было в этом женском голосе такое... Нехорошее. Как ядовитая начинка в свежем душистом пироге.

– Останови машину. Сейчас же.

– Чего ты кипятишься? – не унимался Митрич, не забывая, однако, прикладываться к бутылке. – Тебе нужен врач? Нет проблем, он перед тобой. Преждевременные роды, внематочная беременность, молочница... Чем...

Договорить Митрич не успел. Валя, до этого неподвижно сидевшая в напряженной позе, внезапно резко взмахнула рукой, издав при этом какой-то шипящий звук, словно разъяренная змея. Удар локтя пришелся в многострадальный нос Митрича, и он громко вскрикнул. В следующее мгновение девушка метнулась вперед, к Ярику. Ухо что-то кольнуло.

– Остановись, – голос ровный, почти успокаивающий.

– Стерва! Я убью тебя! – завизжал Митрич, держась руками за нос, между грязных пальцев заструилась свежая кровь, неестественно заблестевшая в полумраке леса. Ярик чуть замедлил ход, что-то холодное и чрезвычайно острое, больно царапая, вошло в его ушную раковину. Он скосил глаза, и в зеркале заднего вида ему удалось увидеть склонившуюся над ним Валю. В руках она держала что-то длинное и поблескивающее. Спица.

Ярик замер, левая нога плавно выжала сцепление, правая утопила педаль тормоза в полу. Машина остановилась, оставив в нескольких метрах позади себя «БМВ».

Митрич наконец пришел в себя. Ругаясь, он принялся вытаскивать пистолет. Резкие движения, очевидно, причинили ему новые вспышки боли в развороченном боку, и он едва сдерживал крик:

– Убери это. Убери, или, клянусь, я разнесу тебе башку. – С третьей попытки ему наконец удалось вытащить пистолет из-за ремня. Валя, не оборачиваясь, процедила:

– Еще одно движение, и я проткну мозг твоему братцу. Не знаю, есть ли он вообще у него, как и у тебя, но то, что он сдохнет, я тебе гарантирую.

Наступила тишина, только из динамиков спокойно, подобно горному ручью, лилась тихая музыка.

Неожиданно Ярик расхохотался. Рута испуганно посмотрела на него, проверяя, не спятил ли он. Однако смех молодого человека был таким звонким и непринужденным, что она тут же отменила свои предположения. Ярик продолжал смеяться, хотя каждое сокращение мышц заставляло выть от боли продырявленную руку. Да черт с ней, с рукой!

Митрич озадаченно молчал, осторожно щупая свободной рукой распухший нос:

– Ярик?..

– Ты... О, Господи... Надо же так... Как смешно... – захлебывался Ярик. Он снова скосил вправо глаза, глазные яблоки почти вываливались от напряжения. Ему словно доставляло какое-то жуткое удовольствие наблюдать за еле заметным подрагиванием (девушка все-таки нервничала, и это немудрено) спицы. Он прекратил смеяться:

– Послушай, как там тебя... Валя?

Девушка промолчала, но Ярик почувствовал, что жало спицы продвинулось еще на миллиметр.

– Я тебя не держу, – мягко сказал он, стараясь сидеть неподвижно, однако это ему стоило огромных усилий. – Ты можешь уйти прямо сейчас.

Валя хихикнула:

– Тупицы, вы считаете, что я сейчас спокойно выйду из машины, помашу вам платочком на прощание, пущу при этом слезу и прошепчу: «Боже, какие классные парни, неужели нам никогда не суждено больше увидеться?!», а потом поплетусь на трассу через эти колдобины? Мальчик, ты еще глупей, чем твой брат торчок.

Митрич заскрипел зубами, и Ярик еле удержался, чтобы снова не захохотать. Бедный Митрич! За этот день ему нахамили в десять раз больше, чем за всю жизнь.

– Что тебе нужно? Какого черта?! Ты села к моему брату, он был за то, чтобы взять тебя с собой. Разбирайся с ним! – Ярик устало прикрыл глаза.

– Заткнись. Разворачивайся. И пусть твой брательник уберет «ствол».

Рута хранила молчание, безмолвно наблюдая за происходящим в зеркало заднего вида.

– Митрич, будь так добр, убери «пушку», – сказал Ярик. Он с удивлением для себя обнаружил, что ему совершенно не страшно, несмотря на то что он чувствовал, как холод-

ное острие спицы зловеще щекочет ухо. Одно неверное движение – и она проткнет нежную перепонку, с хлопающим звуком войдя в его смертельно уставший мозг.

Митрич не обратил на него никакого внимания:

– Не будь душой, сядь на место. – Рука его ходила ходуном, словно мушка на конце ствола была неким насекомым, и Митрич раздраженно пытался его сбросить. – Ярик, не слушай ее. Поехали отсюда, она не посмеет ничего тебе сделать, иначе я просто убью ее.

Рута саркастически улыбнулась:

– Вот именно, «иначе». Иначе ему будет фиолетово, убьешь ты ее или нет. Может, поменяешься с ним местами?

– Даже если ты выстрелишь, я успею его продырять, – сказала Валя.

– Господи, я бы с превеликим удовольствием выпустил тебя отсюда, – сказал Ярик. Волны боли то отступали, то снова накатывались, словно прибой. – Я с самого начала был против этой дурацкой идеи – подбирать тебя на дороге...

– Хватит трепать. Разворачивай тарантас и поезжай обратно к шоссе, – не дала ему договорить Валя.

– Разворачивать? Ты в своем уме? – изумился Ярик. – Да здесь развернуться негде, как ты себе это представляешь? Машина застрянет!

И хотя Ярик был лишен возможности видеть девушку, от которой в настоящий момент зависела его жизнь, он почувствовал, как ее лицо исказилось в злобной гримасе.

– Да уж... Вы, ребята, напоминаете мне тех дурачков из фильма «Тупой и еще тупее», смотрели? Поезжай задом!

Ярик отрицательно замотал головой:

– У этой тачки не работает задняя передача. – Ложь выскочила из него просто и быстро, как пробка из бутылки. – Прости, Валюша, но если ты скучаешь в нашем обществе, то тебе придется возвращаться пешком.

– Ты врешь!

– Не-а. Если не веришь, садись на мое место и попробуй. – Ярик потянулся к дверце, явно намереваясь выйти наружу, но Валя его остановила:

– Сиди спокойно. Мальчики, вы заставили меня понервничать, из-за чего у меня очень трясутся руки. Если не хочешь, чтобы эта штука выскочила у тебя из другого уха, не дергайся.

Девушка размышляла недолго.

– Положи руки на руль и так, чтобы я их хорошо видела, – проговорила она. Ярик усмехнулся. Эту фразу он сегодня тоже где-то слышал, а именно – из уст ныне покойного милиционера, которого убил Митрич.

– Ты тоже вытяни руки вперед, – приказала она Руте. Та подчинилась.

– Валя, послушай... – открыл рот Ярик.

– Заткнись! – в бешенстве выкрикнула девушка и, не оборачиваясь, приказала: – Теперь ты, врач недоделанный. Аккуратненько и медленно протяни свою «пушку» девке.

Ярик приготовился к очередной тираде угроз и бессмысленных ругательств, но, к его несказанному удивлению, Митрич беспрекословно подчинился. Он молча протянул пистолет, почти нежно вложив его в маленькую ладошку Руты.

– «Ты клялся мне в своей любви, ты предлагал мне вечность!..» – мурлыкал в это время мягкий женский тенор из радио.

– Давай его сюда. Так же медленно и аккуратненько, – потребовала Валя.

Когда пистолет оказался в ее руке, Ярик закрыл глаза.

«Ну наконец-то. Сейчас она всех нас перестреляет, как глупых куриц. Однако она далеко не глупа», – подумал он. Если бы она сама попыталась забрать пистолет из рук Митрича, то ей пришлось бы на какое-то мгновение обернуться, и это дало бы шанс Ярику отбить

девичью руку со спицей. Валя поступила иначе. Странно, но Ярик начал испытывать к этой безбашенной девчонке что-то вроде уважения.

– Подними вверх руки и цепи их замком на затылке. – Голос Вали звучал привычно и ровно, словно подобные приказания ей приходилось отдавать каждый день

– Я не могу, – мрачно отозвался Митрич. Валя вперила в него уничтожающий взгляд. – У меня снова откроется рана, – нехотя пояснил он.

– А бутылку к глотке ты подносить можешь? Ручки вверх, штанишки вниз, давай. – С этими оскорбительными словами Валя небрежно вынула из уха Ярика спицу. Когда Митрич убрал руки за голову, Валя, издав облегченный вздох, откинулась на сиденье, держа при этом на прицеле Митрича. Лицо Митрича исказилось в жгучей ненависти так, что даже Ярика передернуло. Его рука потянулась к замку двери.

– Полагаю, денег у вас нет. Так? – Валя ткнула дулом пистолета в бок Митрича. Тот ничего не ответил, только скрипнул зубами.

– Ладно, не буду отнимать у вас драгоценное время, – девушка открыла дверь и уже собралась выбраться наружу, как вдруг ей в голову пришла какая-то идея. Губы Вали раздвинулись в злой усмешке. – Эй, как там тебя... Вылезай из машины, – она жестом приказала Руте выйти наружу. Та, секунду помедлив, подчинилась.

– Возьми у этого недоумка бутылку с виски, – деловито продолжала она, не спуская прицела с Руты. Ярик услышал, как сзади что-то пробормотал Митрич. Зачем ей понадобилось виски? Собирается пить его на брудершафт с Рутой? Между тем последняя на негнущихся ногах подошла к Митричу и вытащила у того из-под ног пару нераспечатанных бутылок.

– Открывай! – хлестко прозвучал голос Вали.

Тут до Ярика наконец дошло, и лоб моментально покрылся холодным потом.

– Теперь лей внутрь. На сиденья тоже... Возьми еще бутылку... – скрипучим голосом палача произнесла Валя.

«Эта стерва сожжет нас» – эта мысль возникла словно из тумана.

Ярику удалось открыть дверь со своей стороны. Сердце выпрыгивало из груди, пот лился градом, но Валя вроде ничего не заметила. Митрич, казалось, вообще выпал из реального мира. Его грудь неравномерно вздымалась, и, если бы не это, он отлично сошел бы за мертвеца. Лишь когда Рута несколько раз окатила его душем из виски, он вздрогнул. Виски было везде – на полу, на сиденьях, на приборной доске, весь салон автомобиля моментально пропитался насквозь тяжелым дурманящим запахом.

– Садись внутрь...

Рута села обратно в «пятерку». Вместо лица – белое пятно.

«Эта машина станет нашим общим гробом». – Ярик набрал в легкие воздуха. Он высунулся в окно.

– Валя! Прошу тебя, подойди ко мне, мне нужно сказать тебе кое-что!..

Валя достала из заднего кармана джинсов зажигалку и щелкнула. Некоторое время она задумчиво разглядывала крохотное пляшущее пламя, затем перевела взор на Ярика.

– Не думаю, что мне будет интересно слушать то, что ты хочешь сообщить, – с ленцой обронила она, однако все-таки подошла к машине с горящей зажигалкой. В другой руке она сжимала пистолет, и теперь «ствол» уставился прямо в лицо Ярика.

12

Денис пришел в себя не скоро.

«Три правила» – где-то в глубине подсознания прозвучал тихий голос Главного, но скрытая угроза пропитывала его насквозь.

Он медленно, секунда за секундой выплывал на поверхность реальности, как глубоководная рыба стремится вверх, соблазненная ярким светом снаружи. Многочисленные удары по голове надолго его отключили. Тот, кто это сделал, не особенно заботился о здоровье мужчины и вряд ли испытывал бы впоследствии угрызения совести, узнай о том, что Денис сыграл в ящик. Он?

Нет, это была Она... Обрывки воспоминаний событий последних минут, а может, и часов всколыхнули разрывающийся от боли мозг, и мужчина закричал зубами от ярости. Эта проклятая шлюха чуть не убила его! Он приподнял голову и наконец-то все вспомнил. Верхней частью тела он лежал на влажной земле (лужа от дождя?.. или это его кровь?..), неудобно подвернув левую руку, отчего она дьявольски затекла, ноги его оставались в машине. Денис попытался приподняться на локте и застонал: это телодвижение вызвало ужасную боль. Рука наверняка сломана, он это понял сразу.

Ему уже ломали руку. Получилась чертовски глупая история. Он и Серега выколачивали долг с какого-то коротышки, хозяина одной из торговых точек. Дело не стоило выеденного яйца, и Денис в уме уже подсчитывал, как он погуляет на получившиеся от суммы долга проценты, как в самый ответственный момент в дело вмешался какой-то безумный азиат-полукровка. Последний неплохо владел приемами рукопашного боя и за считанные секунды вырубил его и Серегу, сломав при этом руку Денису. Ситуация была критической, возвращаться без денег к Главному было равносильно игре в русскую рулетку, используя вместо револьвера «Макаров». Пока Денис корчился от боли на заплыванном асфальте, Серега – как же так, ущемлено его боксерское самолюбие! – выпустил в полукровку всю обойму. Денис, поборов боль, сумел вытащить левой рукой пистолет и одним выстрелом свалил коротышку, который уже пятился в палатку, наверняка за припрятанным ножом. Это было единственное дело, когда они с Серегой сработали грубо...

Да, но теперь ситуация немного другая. Чего уж лукавить – она была просто дерьмовая. Хотя, в конце концов, он еще жив... Денис осторожно высвободил поврежденную руку и вывалился из машины на землю...

Сначала все складывалось, как никогда, хорошо.

Они быстро управились с делом, даже раньше времени, что для Главного было немаловажно. Он отправил их в Истовку, чтобы обтяпать дельце с неким Эшем, непомерно толстым корейцем. Денис не особенно разбирался в корейских именах и сильно сомневался, что это корейское имя. Сереге, к слову сказать, было абсолютно плевать, кто их партнер – кореец или папуас, «хоть папа римский», всех братьев Восходящего солнца он называл не иначе как «узкоглазые обезьяны».

Все прошло нормально, и позже они пересчитали деньги. Все точно, и теперь в багажнике покрытого пылью «БМВ» уютно устроились шестьсот тридцать тысяч зеленых. На мгновение Сереге пришла в голову шальная мысль сорваться с деньгами, но Денис наотрез отказался. Соблазн был велик, но глас здравого разума был намного сильнее тяги к деньгам, пускай и таким баснословным. Серега надулся, но вскоре пришел в прежнее расположение духа и весело болтал о девочках.

Огромный, с широкими плечами и массивной шеей, он был похож на орангутанга в расцвете сил. Тяжелая, как ковш экскаватора, нижняя челюсть, вечно жующая жевательную

резинку, маленькие, бегающие свиные глазки, наголо бритый череп – все это производило нужный эффект на людей, с которыми ему приходилось общаться по роду своей деятельности. Главный взял Серегу в свою команду как телохранителя, затем прикрепил его к Денису для выполнения кое-каких мелких поручений. Денис вел переговоры, Серега обеспечивал безопасность товара (и отчасти безопасность Дениса). Денис очень надеялся, что эта сделка еще более повысит его авторитет в глазах Главного. За все время он ни разу его не слушался, кроме...

«Три правила, – прошептал ехидный внутренний голос, – ты нарушил одно из правил Главного. Три правила, ты ведь помнишь о них, не так ли, Денис?»

Его неотступно преследовали эти слова, и мужчине не без труда удавалось справиться с собой. Одна только мысль о том, что они с Серегой нарушили одно из правил и об этом узнает Главный, приводила его в ужас.

А три правила были достаточно простыми. Все они носили запрещающий характер, но следовало уяснить, что действовали они только на время выполнения поручений Главного. На все личное время они не распространялись. Итак, правило № 1 – никакой выпивки, даже слабоалкогольного пива. Правило № 2 – никакой наркоты. И правило № 3 – никаких девочек. Серега, перекаtywая во рту жевательную резинку, решил схохмить и уже хотел было поинтересоваться, распространяется ли третье правило на мальчиков, но вовремя прикусил язык. Вопросов никто не задавал, требования Главного, или Хохи (по этой кличке, из-за фамилии Хохлов, его называл только один человек – миниатюрная двадцатилетняя Алла, в которой Главный души не чаял и потакал всем присущим ее возрасту капризам), обсуждению не подлежали. Это аксиома, которую нужно было усвоить, поступая к нему на работу.

Вот так, всего три правила, и все дела. Либо выполняй, либо – пуля в лоб, затем в мешок и в воду. Схема проста до одурения. Шмель, старший в их группе и правая рука Главного, как-то рассказал Денису, что однажды у них работал Гриша, отличный крепкий мальч, но без грамма мозгов в башке. Так вот, однажды он вместе с напарником, будучи в Москве, чуть ли не у самого вуза П. Лумумбы покупали «ПИ-ТУ-ПИ», сногшибательная вещь, начисто отрывающая башню, и в этом вся суть. Когда сделка была провернута, напарник куда-то отлучился, пообещав Грише вернуться через десять минут. Куда он ходил – ширяться или делать пись-пись – покрыто мраком неизвестности, и история не дает на это сколь-нибудь вразумительного ответа, да и это, по большому счету, никому не интересно. Дело в том, что, пока он отсутствовал, один из черномазых воротил предложил Грише «заелдить» вместе с ними по дозняку «ПИ-ТУ-ПИ», благо он угощает, и тот недолго думая согласился. «ПИ-ТУ-ПИ» закапывали в глаза, как пипеткой, и, судя по уверениям попробовавших, это настоящий улет в астрал или нирвану, как вам будет угодно.

Гриша заелдил, то бишь залил себе глаза почти тройной дозой «ПИ-ТУ-ПИ», и почти сразу же отключился. Находилась ли его приبلудная душа в этот промежуток времени в астрале, он не помнил. Но зато когда он очнулся, то, несмотря на отсутствие мозгов, моментально сообразил, что вместо обещанного астрала он улетел в задницу, а в астрал вместо него, вероятно, улетели все чернокожие братья, прихватив с собой вырученные от наркоты бабки (разумеется, в придачу с самим товаром). Напарник нашел Гришу валяющимся в луже возле мусорного контейнера в полном отрубе, эти проклятые ниггеры сняли с него часы, забрали бумажник, серебряный браслет и даже запонки, стоившие сушие гроши!

Главный быстро решил проблему. Он не стал даже давать шанс Грише и его компаньону вернуть потерянные деньги, а просто предложил им самим покончить с собой. Гриша не мог поверить в это. Пока он раздумывал, его напарник выстрелил себе в грудь и упал замертво.

Шмель протянул пистолет Грише. «Лучше бы у тебя был передоз» – читалось в его невозмутимых глазах. Гриша в ужасе смотрел на оружие, не в состоянии поверить, что вот

так все и закончится. Главный посмотрел на часы и коротко бросил: «Время вышло». Гришу схватили, и он почти не сопротивлялся – настолько страх парализовал его конечности.

Денис спросил Шмеля, что было дальше.

«Дальше? – громила зевнул. – Тебе действительно интересно?» Получив утвердительный ответ, он нехотя сказал: «Его убили». Как ни пытал его Денис, Шмель упорно молчал. Лишь спустя несколько месяцев он случайно узнал, как умер Гриша, и от воспоминаний его потом долго кидало в дрожь. Гришу раздели догола и впустили в клетку к собакам Главного – огромным доберманам. Несчастного сожрали почти полностью... Но это все лирика.

Они проехали Гриднев, Серега оживленно болтал, поглядывая по сторонам. Неожиданно на дороге замаячила женская фигура.

– Посмотри, какие сиськи, Дэн! – возбужденно выдохнул Серега, резко крутанув руль к обочине. – Похоже, сегодня наш день!

Их машина уже тормозила возле стройненькой фигуры девушки, и Денис внезапно почувствовал то, что некоторые ученые и психологи называют шестым чувством. Эта мысль пришла ниоткуда, она словно сама по себе материализовалась у него в мозгу и замигала, как предупреждающий красный сигнал.

Тем не менее в силу каких-то необъяснимых причин Денис (а тупоголовый Серега и подавно!) забыл о всякой осмотрительности. В самый последний момент, до того как Серега открыл дверцу и благопристойным жестом, который никак не вязался с его мрачной внешностью, пригласил девушку в салон, Денис уже собирался сказать: «Нет, Серж, не нравится мне она. Поехали отсюда на хрен, что-то в ней такое...», но... он промолчал. Кроме того, попутчица уже уселась, аппетитно колыхнув налитыми грудками. Глядя на упругую грудь девушки, соблазнительно обтянутую простой блузочкой, Денис плотоядно облизнулся, а Серега радостно заулюлюкал и дал по газам.

Повстречавшаяся им красотка назвалась Викой. Она непринужденно болтала с Серегой, глупо хихикая над его шутками, хотя, по мнению Дениса, чувство юмора его напарника находилось в зачаточном состоянии. Ему, по всей видимости, казалось, что все женщины должны визжать от восторга и хохотать до упаду, слушая, как он увлеченно рассказывает о своей несостоявшейся карьере боксера, что-то вроде: «Ну я так для вида расслабился да-да пропустил один ударчик а руки-то у него как у семилетней девочки да-да и он так тоже успокоился в смысле он круче и я ему справа хук он в клин а я ему левой в ухо и он в нокауте...» Причем рассказывать подобные истории Серега мог часами. Денис давно к этому привык и воспринимал болтовню напарника не более как трескотню старого радиоприемника.

Они ехали, и девушка, которую они подобрали, нравилась Денису все меньше и меньше, и он никак не мог понять, по какой причине. Все причиндалы крошки на месте, это было видно даже издали, а уж сейчас, когда она находилась рядом с ним, мужчина буквально ощущал исходящие от нее сладостные волнующие импульсы. Она была похожа на свежий весенний цветок, распутивший яркие лепестки и призывно зазывающий к себе пчел. Но одновременно она вызывала ассоциацию с сарраценией, полусонной и страшной, которая приглашает к себе в гости комаров и прочих насекомых, чтобы те нашли свою смерть в ее темном чреве.

Спустя некоторое время Серега начал нервничать. Ему явно не терпелось бросить к чертям руль и заняться девчонкой, но, как назло, лес закончился, и впереди бежала пустынная дорога. Конечно, можно сделать все сейчас, Вика вроде ничего не подозревает, но где гарантия, что она не будет сопротивляться, а на трассах частенько проезжают патрульные машины гаишников. Да и лишний риск им ни к чему.

Денис слизнул с верхней губы капельки пота. Три правила, снова прошептал голос. Ему было не по себе. Он уже жалел, что вообще ввязался в это, и собирался предложить Сереге высадить эту девку и гнать отсюда к чертовой матери. Потом он спрашивал себя,

сделал бы он это, зная о том, что через мгновение за пригорком справа замелькает лес. Но Денис не знал об этом, а когда их машина приблизилась к лесу, Вика внезапно прильнула к нему всем телом и жарко прошептала:

– Я никогда не встречала таких ребят, как вы... Но ты мне нравишься больше...

После этих слов она приблизила к нему свое разгоряченное лицо и провела маленьким язычком по его губам. Денис почувствовал, как в складках зашевелился его проснувшийся друг.

– Я... – начал было он, но тут машину тряхнуло (Сергеа даже не удосужился сбросить скорость, съезжая с асфальтовой дороги), и он больно прикусил щеку. Машина окунулась в летнюю прохладу леса.

«БМВ» проехал еще несколько футов и, недовольно фыркнув, заглох – переключаясь на нижнюю передачу, Серега впопыхах бросил сцепление. Мыслями он наверняка уже давно был на Вике, оседлав ее каким-нибудь невообразимым образом. Денис взглянул на девушку.

Что-то здесь не так. Денис нахмурился. Он чувствовал, что упустил из виду какую-то чрезвычайно важную мысль, и теперь с каждой секундой беспокойство его возрастало.

«Давай, Дэн, прогуляйся... Мы быстро, правда? Ты ведь не боишься меня, кисуля?..» – Грубый голос Сереги доносился до него как сквозь плотную материю.

Вика размеренно отвечала, что нет, она вовсе не боится их, и перед тем, как Денис вышел из автомобиля, он перехватил ее внимательный взгляд. В нем что-то было такое... Такой взгляд опытный ювелир небрежно бросает на очередную побрякушку, про себя оценивая, стоит ли она того, чтобы с ней иметь дело.

Сергеа быстро перебрался к девушке, расстегивая на ходу брюки. Денис отошел на несколько шагов и закурил, с неприязнью отметив, как дрожат его руки. Глядя на дым, тонкой струйкой льющийся вверх, он подумал, что желание овладеть этой киской у него пропало напрочь.

«Но ты мне нравишься больше...»

Он сделал еще одну затяжку. Из машины уже слышались недвусмысленные звуки, и Денис торопливо отошел еще дальше. Ему вдруг пришло в голову, что, будь Серега на его месте, он не стал бы утруждать себя какими бы то ни было правилами приличия и сейчас прилип бы к стеклу «БМВ», с жадностью наблюдая за происходящим.

Он задумался, хочет ли он того, чем сейчас занимается Серега, и с удивлением понял, что на этот вопрос, скорее всего, готов ответить «нет». Обугленный фильтр обжег пальцы. Денис вздрогнул. Посмотрел на часы и раздраженно сплюнул. Что-то Серега долго там возится... да и тихо как-то, на его напарника это не похоже. Внезапно Дениса охватила необъяснимая злость. Серега, тупоголовый баран, который не смог в тот раз отделать азиата, словавшего ему руку, из-за которого он нарушил правило Главного... Денис с яростью втоптал окурочку и решительно направился к краснеющему в листве «БМВ». Сейчас он разлучит эту любвеобильную пару, девку вышвырнет в чем мать родила в кусты, а потом разберется с Сергеей.

Мысли мужчины прервал дикий крик. Кричал Серега.

«О, Господи, Дэн! О нет, пожалуйста...»

Денис едва узнал голос своего напарника – так визжит попавшая под колеса грузовика обезумевшая от боли собака. Привычным движением он потянулся к внутреннему карману, где лежал пистолет, и тут же выругался сквозь зубы – конечно же, стояло такое пекло, и он оставил пиджак в салоне. Мгновенно взмокшая от пота рука нащупала в кармане брюк маленький перочинный нож.

«ДЭН!! Нет, не надо!!!» – орал Серега. Проклиная себя за то, что послушался этого орангутанга (Посмотри, какие сиськи!..), Денис сделал еще один осторожный шаг к машине. (Похоже, сегодня наш день!)

Нет, Серега, этот день явно не твой, подумал Денис. Очевидно, первое впечатление было ошибочным – девчонка оказалось не такой паинькой и слегка поцарапала Серегу. Внутренний голос возразил ему, пояснив, что «слегка поцарапанные» люди так не орут, и, вздохнув поглубже, Денис раздвинул ветки. Крики его напарника к тому времени превратились в хрипы, и от них у Дениса по коже мороз пошел. Он очутился возле задней дверцы автомобиля, хотя уже видел, что в салоне всего один человек.

Это был Серега, Вика куда-то исчезла. Его напарник полулежал на заднем сиденье, словно решил прикорнуть, устав от долгой дороги. Брюки спущены наполовину, обнажая мускулистые ноги, поросшие черными волосами, и почему-то эти черные волоски вызвали у Дениса странное, граничащее с безумием веселье. Взгляд Дениса остановился на его проплетшей рубашке с закатанными рукавами, и все мысли о предстоящей расправе над Серегой мгновенно испарились, уступая место полной растерянности, а затем змеящемуся страху. Плечи, воротник и весь верх шелковой рубашки, в которых Серега так любил щеголять, были красными от крови.

– Дэн, ты... помоги, прошу... – прошептал Серега. Он попытался приподняться и застонал.

– Что ты с ней сделал? – У Дениса внезапно пересохло горло.

– Сде...а-а... – Серега вяло сплюнул. Сплюнул неудачно, и большая часть выплюнутого осталась на его массивном подбородке, стекая вниз. – Я даже не успел... за... засадить ей... – Серега предпринял попытку ухмыльнуться и зашелся кашлем. – Вы... а... тащи ее... – Он с мольбой смотрел на Дениса.

Глядя на Серегу, Денис, в свою очередь очень хотел верить: то, что он увидел, ему всего лишь показалось, но одного взгляда на бывшего боксера было достаточно, чтобы понять – он не жилец. Перед глазами маячил какой-то ужасный штырь, длинный и тонкий, пожалуй, даже слишком тонкий, и он торчал из толстых складок необъятной шеи Сереги. Он беззвучно открывал и закрывал рот, словно ему не доставало кислорода, по горлу ходуном бугрились желваки, и при каждом движении из раны толчками выплескивалась кровь.

– Если я вытащу эту штуку, ты умрешь, – сказал Денис.

– Что?! – булькнул Серега. Из его рта вырос розовый пузырь, который тут же лопнул.

Времени искать эту сучку нет, нужно срочно отсюда сматываться. Стараясь не смотреть на своего напарника, Денис нагнулся, закинул торчащие ноги Сереги в машину и попытался захлопнуть дверь.

– Я... я не хочу у... умирать, Дэн.

Денис выругался – дверца никак не хотела закрываться, бесполезно цепляя ноги Сереги, обутые в тысячедолларовые туфли. Он раздраженно хлопнул дверью еще раз, и наконец она закрылась. Он открыл переднюю дверь, намереваясь сесть за руль, и тут его осенило.

«И самое главное, третье правило. Ты понял меня? – цедил сквозь зубы Шмель. – Мне не жалко тебя, если ты попадешься этой психопатке, но в таком случае ты ставишь под угрозу все дело...» Психопатка, а иначе говоря, Ласка, как ее окрестили дальнбойщики, орудовала на трассах Сибирского округа уже второй год. Под видом проститутки или заблудившейся девушки (в зависимости от клиента) она подсаживалась к кому-либо в машину, будь то новый русский или полуграмотный работяга, который возвращался после смены домой. А дальше... Она убивала их, после чего обчищала карманы несчастных. Некоторым удавалось выжить, и все давали разное описание неизвестной убийцы, что ставило доблестную милицию в тупик. На дорогах всегда полно девиц, путешествующих автостопом, и вычислить из них нужную было не так-то просто.

Тогда, услышав эту историю, Денис усмехнулся и тут же забыл о ней. Подумаешь, какая-то чокнутая девчонка! Наверняка больше половины из того, что ему нагородил Шмель, чушь собачья. Кроме того, его оскорбляло само предположение того, что некая рехнувшаяся

яся феминистка, очевидно, борец за права женщин и ярый противник аборт, может попытаться встать у него на пути!

Все это промелькнуло в считанные секунды в мозгу Дениса, пока он усаживался в машину. В нем еще боролись два противоречивых чувства – с одной стороны, все естество мужчины требовало от него схватить «ствол», найти и застрелить мерзавку, посмевающую поднять руку на людей Главного, пускай это даже такой дебил, как Серега, но большая его часть, в равной степени трусливая и рассудительная, умоляла его как можно быстрее убираться из этого места.

«Господи, а как я объясню это Главному?» – внезапно подумал Денис. Всего лишь на одно мгновение Денис застыл у открытой дверцы «БМВ», и это было его ошибкой.

Острая боль пронзила его правую ногу, облив ее будто кипящим свинцом и заставив вскрикнуть, сначала скорее от удивления. Следующий крик, нарушивший лесную тишину, был уже наполнен болью и страхом. Нога моментально онемела, обжигающая, нестерпимая боль поползла выше, по колену, к бедру. Денис посмотрел вниз, и его взгляд успел запечатлеть какое-то движение под днищем автомобиля. Поджав раненую ногу, словно неказистый аист посреди болота, он попытался проскочить в машину. Конечно же, ну что он за идиот! Лучшего места, для того чтобы спрятаться, не придумаешь. Элементарно, Ватсон, вот только нога уже ничего не чувствует. Не будучи медиком, Денис понял и другое – эта чертовка перерезала ему ахиллесово сухожилие. Ботинок быстро наполнялся кровью.

Ему все-таки удалось усесться на сиденье, и он поспешил закрыть за собой дверь. Мужчина окинул лихорадочным взглядом приборную доску – ключ на месте. Его бил озноб, в голове вертелась только одна мысль: «Лишь бы успеть, черт возьми, лишь бы успеть!»

Он поднес дрожащую руку к ключу и повернул его. Едва остывший мотор монотонно заурчал, словно соглашаясь с Денисом, что свинтить отсюда – единственная умная идея, которая пришла тому в голову за всю его никчемную жизнь. Из легких мужчины вырвался вздох облегчения, как неожиданно из-за капота вынырнула женская фигура и с невероятной скоростью очутилась возле Дениса. Девушка улыбалась.

– Бульк... – завозился сзади Серега. Он почти полностью сполз вниз, как гора сырого мяса.

Охваченный ужасом, Денис вдавил педаль сцепления, включил первую передачу, после чего попытался нажать на акселератор. Раненая нога не сдвинулась и на сантиметр. Денис поднял мокрое от пота лицо и отпрянул – Вика распласталась на капоте и, казалось, заполонила все пространство, ее черные глаза прожигали насквозь, а от жуткой улыбки хотелось выть.

– Дэ... Дэн, – Серегу было уже почти не слышно, да Денис и не собирался его слушать. Ошалев от страха, он снова и снова делал бесполезные попытки пошевелить раненой ногой, но все было тщетно, она словно выросла в резиновый коврик.

Вика открыла дверь, движения ее были мягкими и изящными, как у ухоженной кошки. И эта кошка сейчас собиралась его убить.

Находясь в полубоморочном состоянии, Денис попробовал нажать на акселератор левой ногой, которая охотно ему подчинилась, но, как только он убрал стопу с педали сцепления, «БМВ» резко дернулся и заглох. Сзади вскрикнул Серега. Вика просунулась в салон, неся с собой запах смерти. Улыбка девушки стала шире, и обезумевшему от ужаса Денису стало казаться, что ее зубы все больше напоминают острые кинжалы, сочащиеся смертельным ядом.

Их разделяло совсем ничего – пару дюймов, и все. Вика, а может, Ласка, в упор разглядывала трясущегося от страха и боли Дениса, и он, тридцатилетний здоровенный мужчина,

один из приближенных Хохи, на счету которого не один труп и которого побаивались все наркоторговцы северного региона страны, закричал тонким голосом, срываясь на фальцет.

Он смутно помнил, как она вцепилась ему в волосы, и, выдирая клочья вместе с кожей, наполовину вытащила его наружу. Затем удар...

– Я же говорила тебе, что ты мне нравишься больше... – Ее голос был преисполнен неподдельной нежности.

Снова удар, и голова будто взрывается от боли. Сквозь темно-красную пелену Денис видит счастливое лицо Вики-Ласки и в отчаянной попытке защитить бедную голову поднимает вверх руку.

Третий удар дверцей «БМВ» ломает ее как тростинку. Еще один удар. А потом еще и еще...

...Сколько прошло времени? Денису удалось поднести к глазам руку, и он выругался – часов как не бывало. Если она забрала часы, то уж наверняка и до бумажника добралась. Черт возьми... Деньги!

Денис перевернулся на спину и глубоко вздохнул.

Деньги. Если эта б...ь залезла в багажник и свистнула бабки Главного – ему каюк. При таком раскладе лучше сразу пустить себе пулю в лоб. Все же лучше, чем оказаться в клетке с доберманами... Здоровой рукой он ощупал голову. Волосы были свалывшиеся от крови и грязи, пальцы наткнулись на крупную шишку. Так, голова цела, по крайней мере, соображать он еще может. Левая рука мучительно ныла и на каждое неосторожное движение тела реагировала острыми вспышками боли. Денис вспомнил про ногу, но, как ни странно, сейчас она его не беспокоила.

«Она где-то рядом, – прошептал внутренний голос. – Ждет, когда ты придешь в себя, ведь убивать человека, когда он без сознания, не так приятно, согласен?»

Денис попытался встать на четвереньки и закричал от боли – все его тело пронизала судорога, сравнимая с мощным электрическим разрядом. Вдалеке послышался странный гул. Это было... это было очень похоже на шум автомобиля. Кто-то ехал по той же дороге, по которой полчаса назад ехали они с Серегой.

Оружие. Пистолет, он в машине. Посторонние свидетели ему не нужны.

Страх снова охватил мужчину, и это придало ему дополнительные силы. С невероятным трудом ему удалось встать на колени, и он пополз к задней двери «БМВ». В голове попеременно взрывались хлопушки, перед глазами плясали красные точки, но Денис упорно полз. Краем уха он уловил – странно, что от таких ударов у него не пропал слух! – что гул работающего двигателя находится на одной ноте – вероятно, машина остановилась. Он добрался до автомобиля и доверчиво посмотрел на сверкающую хромом рукоятку, словно мысленно уговаривая ее не валять дурака и открыть дверь. Она была выше Эвереста, и, дотягиваясь до нее трясущейся рукой, Денис почувствовал тошноту. Только сейчас он осознал, что на заднем сиденье лежит Серега.

«Мы быстро, правда? Иди, прогуляйся, Дэн. Ты ведь не боишься меня, детка?..» – вспомнил он.

Интересно, жив ли Серега? Рука обхватила рукоятку дверцы и прохладный металл приятно остудил горячую ладонь. Щелк!

Дверь открылась. Серега наполовину съехал вниз, рубашка задралась на некогда сильном теле, рука бессильно скомкала край пиджака Дениса, во внутреннем кармане которого лежал пистолет. За ним и полз Денис.

«Серж!» – сирым голосом позвал он напарника. Ты что, идиот, сказал он себе. Он умер. Давно умер.

Денис безуспешно подергал застрявший в пальцах Сереги пиджак, но, даже если бы он был полон сил, едва ли это принесло бы какую-нибудь пользу. Пальцы его напарника намертво, как тиски, сжали дорожную материю пиджака, и разомкнуть стальную хватку можно было лишь домкратом. Оставалось одно – самому влезть в салон и достать пистолет.

Звук работающего двигателя стал громче, и Денис был готов заплакать от злобы и отчаяния. Взгляд мужчины бессмысленно скользил по мертвому телу Сереги, пока не остановился на ногах. Ноги. При чем тут ноги? Денис мучительно вспоминал, начиная паниковать, оттого, что шум мотора становился все ближе и ближе, пока не вспомнил: Серега имел обыкновение носить пистолет в кобуре, закрепленной на голени. Судорожным движением он задрал штанину – есть! Быстро, насколько позволяли силы, Денис вытащил пистолет и засеменил в кусты. Кто бы то ни ехал, ему не хотелось с ними встречаться. Интуиция говорила Денису, что вряд ли в приближающемся автомобиле находится друг. Он отполз за огромное дерево и притаился. Через мгновение мимо «БМВ» проехала какая-то синяя машина, похожая на «Жигули», но модель Денис не успел разобрать.

Лишь бы она не остановилась.

Он закрыл глаза, прислушиваясь. Лицо его исказилось от бессильной ярости: машина остановилась.

13

– Ну, и что ты собирался поведать мне? Как тебе впервые удалось залезть к какой-нибудь малолетней дуре в трусы? – Валя улыбнулась уголком рта. – Чего молчишь, Лошарик?

Она уверенно сжимала пистолет, зажигалка во второй руке не гасла, и это больше всего не нравилось Ярику. Одно движение – и современный заменитель спичек полетит к ним салон, превратив «пятерку» в пылающий факел.

Ярик сглотнул застрявший комок в горле. Жаль, что она стоит слишком далеко.

– Валя, у нас есть деньги. – Он вымученно улыбнулся. – Пожалуйста, не делай этого.

Девушка усмехнулась:

– Деньги? И во сколько ты оцениваешь свою жизнь, Лошарик? Кстати, если уж нам пришлось столько пережить, позволь мне называть тебя Лошариком. Ты очень смахиваешь на него, чтоб я сдохла.

Ярик снова попытался выдавить из себя улыбку:

– Пусть будет так, – а про себя взмолился: «Ну сделай вперед хоть еще один шагочек, Валюша, чокнутая ты корова», – называй как хочешь, хоть козлом, только убери эту штуковину.

Валя задумчиво глядела на дрожащий огонек зажигалки, в ее зрачках отражались крохотные блики.

– Козлом? Это ты хорошо придумал, Лошарик.

– Валя? – тихо спросил Митрич.

Она перевела дуло пистолета на Дмитрия:

– Ты тоже хочешь исповедаться перед смертью, гинеколог хренов?

Митрич четко и отдельно проговорил, его слова тяжело падали в жуткую, вязкую тишину:

– Я имел твою мать, Валя. И это мне понравилось.

Ярика охватило несравнимое ни с чем блаженное чувство, которое можно сравнить разве что с оргазмом, когда он увидел почерневшее от ненависти лицо сумасшедшей. Она непроизвольно придвинулась вперед. Уже почти рядом, но недостаточно.

– Сдохните, – прошипела она, сделав еще один шаг вперед, и тут Ярик, согнув в колене левую ногу и немного вывернув ее, как можно сильнее толкнул дверь.

Ярость на лице Вали сменилась изумлением, но она слишком поздно поняла, что случилось. Дверца с силой ударила ее в живот, выбив из рук пистолет и заставив девушку согнуться. Какое-то мгновение она стояла в этой причудливой позе, вытаращив глаза и хватая ртом воздух, словно бегун, который не выдержал длинной дистанции и решил немного передохнуть. Зажигалка из рук выпала.

Ярик выскочил из машины.

– А... – открыла рот Валя, но Ярик нанес ей удар в челюсть, и девушка, лязгнув зубами, упала навзничь, распластав руки и ноги. Удар не прошел бесследно для юноши – простреленная рука немедленно отозвалась жгучей болью.

Но сейчас Ярик не обратил на это внимание – упав на колени, он дважды ударил девушку затылком о выступавший из земли корень. При ударе волосы Вали как-то странно задрались назад. Некоторое время Ярик с недоумением разглядывал необычайный феномен, пока его измученные мозги не подсказали ему, что перед ним парик. Настоящие волосы Вали были темными и короткими. Внутри все клокотало от злости (чертова тварь, как она испугала его!), но к этому примешивалось огромное облегчение.

Тяжело дыша, он подобрал пистолет и зажигалку. Убрав «ствол» за пояс, он без сил облокотился на капот. Рута тоже вышла из машины и подошла к неподвижному телу Вали.

– Митрич! – позвал брата Ярик. Перед глазами снова начало все плыть. – Черт тебя дери, вылезай! – рывкнул он, видя, что тот не шелохнулся. Он заглянул в салон, поморщившись от ужасного букета запахов: виски, крови и чего-то еще очень нехорошего. Запах приближающейся смерти. Митрич сидел без движения, глаза прикрыты, лицо пожелтело. Ярика охватил страх.

– Эй! – Он ударил брата по щеке. – Митрич, очнись! – Ярик начал паниковать. Что, если он умер? Немудрено, учитывая, сколько ему пришлось сегодня пережить. Но сейчас Ярик боялся даже думать о том, что он будет делать, если останется один.

– Не бойся, он жив, – донесся до него голос Руты. – Просто потерял сознание. Такие, как он, быстро не умирают. Лучше взгляни на это.

Но Ярик не слышал ее. Он был похож на испуганного школьника, который потерялся на шумной улице и не знает, кого попросить о помощи. В каком-то иступлении он хлестал своего брата по щекам, но его усилия были напрасными – его сгорбившийся брат оставался неподвижным, напоминая восковую фигуру.

«Умер, черт возьми, он умер!» – кричало перепуганное сознание Ярика. Странно, сейчас он не испытывал к нему никакой ненависти, он хотел одного – чтобы этот напичканный наркотиками, истекающий кровью человек открыл глаза и сказал: «Ха, попался, Ярик! Наложил в штаны, а?»

От очередного удара на губах Митрича выступила кровь, но тот продолжал неподвижно сидеть как чурбан. Ярик перевел дыхание. Он вспомнил один способ, как можно привести в чувство человека, находящегося в обмороке. Нужно сильно ущипнуть либо, в крайнем случае, укусить его за мочку уха. Ярик не испытывал особого желания пробовать на вкус ухо Митрича, поэтому он просто ухватил серебряную серьгу брата и рванул ее что было силы. Из разорванной мочки закапала кровь, и, застонав, Митрич открыл глаза. Ярик шумно выдохнул:

– Ты напугал меня. Вылезай наружу, с ней все кончено.

Митрич тер ухо и бессмысленно таранился на брата, не понимая, о чем идет речь. Ярик поднатужился и вытащил его наружу, прислонив к багажнику, как старое огородное пугало.

– Смотри! – Рута повернулась к Ярику. Она открыла рюкзак Вали и высыпала его содержимое на траву: часы, два золотых мужских браслета и деньги. Много денег. Глядя на рассыпавшиеся веером тысячные купюры, Ярик прикинул, что все содержимое рюкзака потянет примерно на пятьдесят-шестьдесят штук. – И вот кое-что еще, – она указала на рыжий парик, видневшийся среди вещей.

– Она разбила все бутылки? Я бы не прочь выпить, – сказал Ярик.

– Хватит. Нужно двигать отсюда, – твердо ответила Рута. – Ее нужно связать.

– Ее нельзя оставлять в живых, – вымолвил Ярик.

– Не будь идиотом. Кто покажет нам дорогу? – Рута спокойно смотрела Ярику прямо в глаза. – Доберемся до Разумова, а там... там посмотрим.

Она прошла мимо покачивающегося с обалделым видом Митрича к машине. Через полминуты она возвратилась к Вале и принялась связывать ей руки обнаруженной в багажнике проволокой. После этого она, удовлетворенно хмыкнув, быстро, по-деловому обыскала девушку. Ярик тем временем направился к «БМВ».

– Сомневаюсь, что это ее тачка, – пробормотал он себе под нос.

Подойдя вплотную к автомобилю, он замер. В глаза сразу бросилась окрашенная чем-то красным трава. В машине, в проеме между передним и задним сиденьями, застряло тело мужчины. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что перед ним труп. С трудом преодолевая отвращение, он осмотрел мертвое тело.

– Ярик! – донесся голос Руты.

На шее убитого были раны – три черные точки, из которых все еще вытекала кровь. Такие дырки мог оставить лишь один предмет. Ярик невесело усмехнулся и обошел «БМВ». К машине подошла Рута.

– Я нашла это в ее кармане, – сказала девушка. На красивой девичьей ладошке лежал скальпель в кожаном чехле, рукоятка перемотана изоляционной лентой.

– Она убила их. Прошла насквозь, а потом обчистила. Спорю на что угодно, что часы, браслеты и деньги она забрала у этих бедняг, – сказал Ярик.

– Ты думаешь, был еще один человек? – наконец промолвила она.

– Иди сюда. – Ярик обошел автомобиль с другой стороны. Внутренняя поверхность передней дверцы была измазана чем-то темно-бурым, на резиновом коврик под ногами – лужа, рядом с машиной – то же самое. В траве были видны следы от волочения тела.

– Не думаю, что это пролитый кетчуп. Их было двое.

– А если он жив? – неуверенно проговорила Рута. – Отполз и зализывает раны.

– В любом случае, им не повезло, – сказал Ярик. – Но вряд ли мы в состоянии сейчас кому-то помочь, у нас своих проблем хоть отбавляй. – Он взглянул на Руту и попытался улыбнуться: – Да, неплохая у нас компашка подобралась, однако. Бонни и Клайд¹ отдыхают.

– Поехали отсюда... – Рута зашагала к «пятерке». Митрич все так же стоял, прислонившись к капоту, отупело разглядывая свои грязные руки.

– Да, только я закончу одно дельце. – Ярик закрыл дверь «БМВ» и направился вслед за Рутой. Он подошел к Митричу и грубо встряхнул его. Митрич непонимающе пялился на брата, глазные яблоки в красных прожилках бестолково вращались в разные стороны, словно их хозяин тщетно пытался проследить за сотней невидимых moskitov.

– Слушай меня, братец ненаглядный. Я повторять больше не намерен, – сказал Ярик. Митрич выставил вперед руки и неловко замотал головой, будто стряхивая с себя остатки дурного сна и рассчитывая, что от этих манипуляций Ярик исчезнет.

Ярик схватил его за шиворот и с силой впечатал в запыленный капот «пятерки». Митрич издал гундосый стон.

– Прекрати скулить. – Ярик с трудом себя сдерживал, чтобы не врезать своему брату еще раз. – Ты слышишь меня? Или тебе оборвать второе ухо, для симметрии? Мы в полном дерьме, Митрич, и все благодаря тебе, – продолжал Ярик. – Прежде чем мы поедем отсюда, я задам тебе всего один вопрос. Ты хочешь жить?

В лице Митрича появилось нечто отдаленно смахивающее на понимание происходящего.

– Жить? – Он вытер выступившую из многотрадального носа, который ему сворачивали в течение дня уже трижды, кровь и уставился на Ярика. – Да, – механическим голосом проговорил Митрич. Он открыл рот, чтобы сказать что-то еще, но тут же закрыл его.

– Отлично, значит, твои мозги еще окончательно не растворились в ширеве. Отныне ты забудешь про свой порошок и шприцы. По крайней мере, пока мы не выберемся отсюда. Если нет – я оставляю тебя здесь, можешь дырывать себе вены, пока не сдохнешь. И второе – ты будешь слушать то, что я говорю. Если тебя не устраивают эти два условия, катись в задницу.

– Ты забыл одну деталь, – зашевелил разбитыми губами Митрич. – Это из-за тебя началась заваруха в баре. Если бы ты не вел себя, как гребаный Дон Кихот, мы...

– Заткнись, – перебил его Ярик. – Я достаточно натерпелся от тебя всякого дерьма, поэтому лучше молчи. Или ты забыл, по чьей милости мы отправились в этот круиз?

---

¹ Бонни Паркер и Клайд Бэрроу – легендарная преступная пара, прославившаяся дерзкими ограблениями в Америке в 30-е годы. На их счету несколько убийств, в том числе полицейских. Убиты фэдээровцами в 1934 году во время засады.

Митрич угрюмо молчал.

– Значит, да, – удовлетворенно сказал Ярик. – Поехали, – бросил он. – Помоги мне загрузить ее, уже темнеет... И, кстати, Митрич, спасибо.

– За что? – осторожно спросил тот, ожидая подвоха.

– Если бы не твое признание Вале об интимной связи между тобой и ее матерью, от нас осталась бы пара головешек.

14

Закусочная «Аншлаг», принадлежащая ныне почившему Виктору Донину, была полна народу. Такое скопище людей в баре было впервые, и покойный Виктор гордился бы этим, не будь одного маленького уточнения: все посетители были в милицейской форме, а сам хозяин «Аншлага» – мертвее всех мертвых. Его тело уже осмотрел дежурный эксперт, составив акт осмотра и сфотографировав окровавленное тело.

– Грузить можно? – К эксперту подошел молоденький парень с пробивающимся светлым пушком над верхней губой – водитель труповозки.

Эксперт, невысокий, лет шестидесяти мужчина в темно-синем комбинезоне, удовлетворенно кивнул, показывая, что труп мужчины с развороченным животом его уже не интересует. Погода была хорошая, дождь закончился, и фотографии получатся отличные. Насвистывая веселый мотивчик, он прошел внутрь помещения.

Внутри раздавал указания Шипов Андрей, начальник уголовного розыска.

Он был непредсказуем, как погода в мае. У него были железная выдержка и стальные нервы, обходительные манеры и подкупающая своей искренностью белозубая улыбка. Он мог наравне шутить с подчиненными и заразительно смеяться от какого-нибудь пошленького анекдота. Но он также мог с непроницаемым лицом вlepить за какой-либо незначительный недочет внеочередное дежурство. Он был без ума от своей работы. Он боготворил ее. Поговаривали, что из-за его фантастической преданности к службе в органах от него ушла жена с двумя ребятишками, но он очень не любил затрагивать эту тему. Он редко выходил из себя, хотя зачастую допускал фамильярность с подчиненными. Однако сейчас, несмотря на его многолетний опыт в розыске, Шипов чувствовал, как внутри него плескалась тихая ярость. Черт, подобного еще никогда не происходило в их крохотном городке!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.